

ГОРОД СЕМИ ВЕТРОВ

Когда свобода мысли
объявлена болезнью,

а инакомыслие —
преступлением.

Один «эксперт» и чёрные
списки душат целый
город страхом,
доносами и
психиатрическими капканами.

Вы готовы узнать, кто следующий?

ТОМАС ХАГЕН

Город Семи Ветров

Томас Хаген

Данное произведение является художественной литературой. Все персонажи, события, организации и совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями или обстоятельствами являются случайными. Любые совпадения имеют непреднамеренный характер.

Содержание:

Пролог

Глава 1: Прибытие Архивариуса

Глава 2: Совет Тьмы

Глава 3: Первая Кровь (Стигма)

Глава 4: Паутина за морем

Глава 5: Механизмы ненависти

Глава 6: Золотой Телец Инквизитора

Глава 7: Урок Страха

Глава 8: Щит и Меч Веры

Глава 9: Корни

Глава 10: Психиатрический Капкан

Глава 11: Тишина в Библиотеке

Пролог

Город стоял на семи ветрах, и ветры эти были свободными. В те времена, которые теперь кажутся почти легендой, люди на площадях спорили до хрипоты. Одни верили в древних богов, другие — в силу разума, третьи искали истину в тишине медитации, а четвертые утверждали, что истины вовсе нет. Это был шумный, неудобный, но живой мир. Если сосед был неправ, ему говорили об этом в лицо. Если кто-то ошибался, его переубеждали или оставляли в покое. Никому и в голову не приходило, что можно судить не по закону, а по «природе» мыслей.

Беда пришла не с грохотом пушек и не с нашествием варваров. Она приехала в обычном пассажирском вагоне, одетая в серый, ничем не примечательный костюм. Человек, сошедший на перрон, не имел при себе оружия. В его руках был лишь потертый портфель, туго набитый бумагами. Он не выглядел завоевателем. Он выглядел как клерк, как библиотекарь, как тот, кто пришел навести порядок в картотеке.

Он поселился в скромном доме на окраине и первое время его почти не было слышно. Он ходил по улицам, слушал споры на площадях, заглядывал в окна молитвенных домов и философских кружков. Он просто записывал. В его блокноте появлялись имена, названия групп, обрывки фраз.

Перемена началась незаметно, как меняется цвет листьев перед долгой зимой. Сначала на городской доске объявлений появился странный листок. Это был список. И заголовок, состоящий из одного нового, холодного слова, которое раньше здесь использовали лишь для обозначения отрезанного ломтя.

Чужак вышел на площадь с лекцией. Он говорил тихо, но уверенно. Он сказал горожанам, что их споры — это не признак свободы, а симптом болезни. Что есть «правильные» мысли, одобренные традицией и большинством, а есть «опасные структуры», которые он, как специалист,

умеет выявлять. Он назвал их «больными», которых нужно изолировать ради здоровья нации.

Люди слушали. Сначала с недоумением, потом с интересом. Ведь это так удобно — знать, что твой сосед, который молится иначе или не ест мяса, не просто чужак, а часть «деструктивной сети». Это объясняло все беды. Почему ушел муж? Виноваты они. Почему сын перестал слушаться? Это их влияние. Чужак предложил городу универсальное обезболивающее: виноват не ты, виноваты «они».

Так в городе появился Страх. Не животный страх перед хищником, а липкий, канцелярский страх перед попаданием в Список. Люди стали говорить тише. Оглядываться. Прежде чем высказать мнение, они теперь думали: «А не сочтет ли господин в сером костюме это признаком отклонения?».

Никто не заметил, как портфель Чужака превратился в папку с приговорами. Никто не увидел, как на месте городской ратуши вырос серый бетонный бункер с табличкой «Центр Экспертных Заключений». Свобода не умерла в одночасье. Её просто аккуратно подшили к делу, поставили штамп «Не соответствует норме» и сдали в архив.

А Чужак все так же ходил по улицам, улыбаясь одними губами. Он знал: чтобы захватить страну, не нужны солдаты. Достаточно одного человека, который присвоит себе право решать, что есть истина, а что — ересь. И достаточно толпы, которая согласится поверить ему на слово.

Глава 1: Прибытие Архивариуса

Город Семи Ветров не знал тишины, и в этом было его главное счастье. С рассвета до заката на мощеных площадях, в кофейнях с открытыми верандами и в университетских аудиториях стоял гул. Это был

не шум раздора, а симфония мнений. Здесь спорили о природе света, о вкусе вина, о том, сколько ангелов может уместиться на острие иглы, и о том, существуют ли ангелы вообще.

В этом городе никто не боялся быть непонятым. Странность считалась не пороком, а особенностью почерка. Если сосед по улице решал, что истина открывается только тем, кто ходит босиком и не ест по вторникам, остальные лишь пожимали плечами: «Это его путь». Демократия здесь была не строчкой в конституции, а воздухом — прозрачным, иногда резким, но необходимым для жизни. Люди умели различать оттенки, и мир для них никогда не был черно-белым.

Так было до того дня, когда на третью платформу центрального вокзала прибыл поезд с севера.

Из вагона вышел человек, которого никто не ждал. В нем не было ничего примечательного, ничего, что заставило бы сердце сжаться от предчувствия беды. Он был одет в серый, слегка мешковатый костюм. В руках он держал пухлый портфель из дешевой кожи, а глаза его бегали, словно сканируя пространство в поисках невидимой угрозы.

Его звали Александр, хотя вскоре в городе его станут называть просто — Эксперт.

Он поселился в небольшой комнате в пансионе госпожи Марты, недалеко от ратуши. Первые недели его почти не было видно. Он ходил по улицам, сутулясь и прижимая к груди свой портфель. Он останавливался у дверей храмов, заглядывал в окна философских кружков, слушал уличных проповедников и музыкантов. Но он не слушал музыку и не вникал в суть проповедей. Он доставал маленький блокнот и быстро, нервно что-то записывал.

Горожане, привыкшие к открытости, пытались заговорить с ним.

— Прекрасная погода для дискуссии, не правда ли? — спросил его как-то старый аптекарь, увлекавшийся восточной поэзией.

Человек в сером вздрогнул, посмотрел на аптекаря тяжелым, немигающим взглядом и пробормотал:

— Погода обманчива. Вы не видите туч, но они уже здесь.

Никто тогда не понял этих слов. Город продолжал жить своей шумной, пестрой жизнью, не замечая, как в тишине съемной комнаты, при свете настольной лампы, уже создавалась новая реальность. Человек в сером не писал стихов и не вел дневник. Он составлял картотеку. Он препарировал живую ткань городской жизни, раскладывая её по мертвым ячейкам своих схем.

Перелом наступил осенью. На дверях городской библиотеки появилось скромное объявление: «Лекция профессора А. о скрытых угрозах современного общества». Любопытство — черта свободных людей, и зал набился битком. Пришли студенты, домохозяйки, священники разных конфессий, художники. Все ждали интересного разговора, новой точки зрения.

Когда Александр вышел на кафедру, в зале повисла тишина. Он выглядел взволнованным, его руки совершали странные, рубящие движения, словно он отгонял назойливых мух. Речь его была сбивчивой, он часто заикался, проглатывал окончания слов, но в этом дефекте, как ни странно, была пугающая гипнотическая сила. Казалось, он так спешит, потому что знает страшную тайну, которую нужно успеть выкрикнуть, пока не стало поздно.

— Вы думаете, что вы свободны, — начал он, не глядя в глаза слушателям, а смотря куда-то поверх их голов, в дальний угол зала. — Вы думаете, что ваш город — это сад цветов. Но я, как специалист, вижу здесь только сорняки. Ядовитые растения, которые душат здоровые ростки.

По залу пробежал шепоток недоумения.

— О ком вы говорите? — выкрикнул кто-то с задних рядов. — У нас нет преступников, тюрьма пустует уже десять лет!

Александр улыбнулся. Это была не улыбка радости, а гримаса человека, который якобы жалеет неразумных.

— Преступники, нарушающие закон, — это мелочь, — отрезал он. — Я говорю о преступниках духа. О тех, кто крадет не кошельки, а ваши души. Я говорю о... — он сделал паузу, словно пробуя на вкус новое слово, которое сам же и выковал в своей кузнице, — о тоталитарных сектах.

Слово упало в тишину зала, как тяжелый камень в воду. «Секта». Раньше это слово означало лишь небольшую группу людей, отделившихся от основного учения. В нем не было угрозы, только констатация различия. Но Александр добавил к нему эпитет «тоталитарная», и смысл мгновенно изменился. Слово налилось свинцом, запахло тюремной камерой и колючей проволокой.

— Что это за термин? — поднялся со своего места профессор права, седовласый мужчина, уважаемый всем городом. — В нашем законодательстве нет такого понятия. В научной социологии его тоже не существует. Откуда вы его взяли?

Эксперт посмотрел на профессора с нескрываемым презрением. В его глазах зажегся тот самый фанатичный огонь, который позже многие будут вспоминать с содроганием.

— Наука слепа, — заявил он безапелляционно. — Законы устарели. Вы пытаетесь измерить радиацию линейкой. Я же привез вам дозиметр. Я учился там, где знают истинную природу зла.

— Где именно? — настаивал профессор. — Какова ваша специальность? Вы психиатр? Религиовед? Юрист? Покажите ваши дипломы, коллега.

Это был ключевой момент. Если бы тогда зал рассмеялся, если бы люди потребовали доказательств, история города могла бы пойти иначе. Но Александр не смутился. Напротив, он перешел в наступление. Его голос зазвенел истерическими нотками, руки затряслись в еще более активной жестикуляции.

— Дипломы? — выкрикнул он. — Вы спрашиваете меня о бумажках, когда ваш дом горит? Я изучал историю, я работал в архивах за океаном, я видел, как эти структуры разрушают сознание! Мне не нужны подтверждения от слепых академиков, чтобы видеть тьму! Моя квалификация — это моя борьба!

Он ловко подменил понятие компетентности понятием «миссии». Он не ответил на вопрос об образовании, потому что отвечать было нечего. У него не было ни степени по психиатрии, ни диплома юриста, ни признанных научным сообществом работ по религиоведению. Но он говорил с такой страстью, с такой непоколебимой уверенностью в собственной правоте, что многим в зале стало стыдно за «придирки».

— Запомните, — продолжал Александр, понизив голос до зловещего шепота. — Каждая из тоталитарных сект стремится к власти над миром и к власти над всеми — на то она и секта. Они хотят превратить вас в рабов. Они уже здесь.

Сосед, который читает странные книги? Сектант. Группа, занимающаяся йогой в парке? Вербовочная база. Те, кто отказывается от прививок или, наоборот, слишком заботится о здоровье? Под подозрением. В тот вечер он посеял семена, которые дали всходы пугающе быстро. Он предложил городу простую и страшную картину мира. Больше не нужно было разбираться в сложности чужих убеждений. Не нужно было спорить и искать истину. Достаточно было наклеить ярлык.

На следующий день после лекции в городе появилась новая институция. Александр не стал просить разрешения у мэра. Он просто повесил на двери своей комнаты табличку: «Центр религиоведческих исследований». Самопровозглашенный статус мгновенно обрел вес. К нему потянулись люди.

Первыми пришли те, кто был обижен на жизнь. Матери, чьи взрослые дети уехали искать себя в другие города; мужья, от которых ушли жены; неудачники, искавшие виноватых в своих провалах. Александр принимал

всех. Он слушал их сбивчивые рассказы и каждому давал универсальное объяснение, снимающее любую личную ответственность.

— Ваш сын не просто уехал, — говорил он твердо. — Его завербовали. Его сознание контролируют. Это не его выбор, это гипноз.

— Жена ушла не потому, что вы пили, — объяснял он другому. — Она попала в деструктивный культ. Они разрушают семьи.

Это было сладкое лекарство. Оно избавляло от боли и вины, заменяя их праведным гневом. Люди выходили от него с просветленными лицами и сжатыми кулаками. Они получали врага, которого можно было ненавидеть официально.

Но самым страшным было то, как Эксперт обращался с языком. Он, словно злой алхимик, трансмутировал смыслы. Обычные человеческие сообщества в его речах превращались в военизированные структуры.

— Посмотрите на них, — говорил он на очередной встрече, указывая на группу кришнаитов, раздающих печенье на площади. — Вы видите улыбки? Это маска садизма. Вы видите благотворительность? Это финансовая пирамида для захвата власти.

Он ввел в обиход псевдонаучные термины, которые звучали весомо, как удары молотка: «деструктивный культ», «бомбардировка любовью», «контроль сознания». Никто не мог объяснить, как именно измеряется «деструктивность» и где проходит граница между искренней заботой и «бомбардировкой любовью», но эти слова начали появляться в газетах. Журналисты, падкие на сенсации, подхватили новую риторику. Заголовки кричали: «Осторожно! Секты атакуют наших детей!», «Тайный заговор против нации!».

Александр Дворкин (теперь он требовал называть себя полным именем, добавляя титул «профессор», хотя никто не знал, какой университет присвоил ему это звание) работал без усталости. Он составлял списки. В эти списки попадали все, кто не вписывался в его узкую, черно-белую картину мира. Пятидесятники, кришнаиты, последователи Рериха,

психологические тренинги, экологические движения — все они оказывались в одной папке с надписью «Угроза».

— Но позвольте, — пытался возразить один молодой юрист на городском собрании. — Эти люди не нарушают закон. У нас свобода вероисповедания. На каком основании вы называете их преступниками?

Эксперт посмотрел на него своим фирменным взглядом — смесью жалости и угрозы.

— Закон написан для нормальных людей, — ответил он. — А мы имеем дело с мутантами. Сектант не имеет прав, потому что он перестал быть личностью. Он — биоробот. А я — единственный, кто умеет их выявлять.

Так он присвоил себе право, которого не имеет ни один человек на земле: право определять «правильность» чужой веры. Он стал мерилom нормы, эталоном, относительно которого измерялись все остальные. И самое удивительное — город позволил ему это сделать.

Страх просачивался в дома незаметно, как угарный газ. Люди стали осторожнее в словах. В кофейне «У трех дубов» раньше собирался кружок любителей индийской философии. Теперь их столик пустовал. Хозяин кофейни вежливо попросил их больше не приходить.

— Ничего личного, — сказал он, отводя глаза. — Просто... не хочу проблем. Говорят, вы в Списке.

— В каком списке? — удивились философы.

— Ну, в том самом. У Эксперта.

Никакой юридической силы этот список не имел. Но он имел силу социальную. Попадание в него означало «черную метку». Человека из списка могли уволить с работы «по собственному желанию». С ним переставали здороваться соседи. Учителя в школах начинали косо смотреть на детей «сектантов».

Александр торжествовал. Его власть росла не по дням, а по часам, хотя он не занимал никакой государственной должности. Его власть

держалась на страхе и невежестве. Он играл на самых темных струнах человеческой души — на ксенофобии, на боязни иного, на желании быть частью «нормального большинства».

Однажды вечером старый профессор права, тот самый, что пытался спорить на первой лекции, встретил Александра в парке. Эксперт кормил голубей, кроша черствый хлеб нервными, дергаными движениями.

— Вы понимаете, что вы делаете? — спросил профессор тихо. — Вы создаете инквизицию. Вы подменяете правосудие своим личным мнением. Вы называете наукой свои фантазии.

Александр даже не повернул головы. Он продолжал крошить хлеб.

— Я спасаю этот город, — прошипел он. — Я выжигаю заразу.

— Вы сами — зараза, — с горечью сказал профессор. — Вы заразили людей ненавистью. Вы придумали врага, чтобы оправдать свое существование. Ведь если не будет «секта», вы станете никем. Просто человеком без образования и профессии.

Рука Александра замерла. Он медленно повернулся. В его глазах не было ничего человеческого — только холодная, мертвая пустота фанатика.

— Вы защищаете их, — сказал он не как вопрос, а как приговор. — Значит, вы тоже под влиянием. Возможно, вас завербовали. Мне придется проверить вашу кафедру.

На следующий день в газете вышла статья под заголовком: «Университет: цитадель науки или прибежище деструктивных идей? Мнение эксперта». В статье не было фактов, только намеки, сложные термины вроде «окультурного влияния» и «психологической дестабилизации студентов». Но этого хватило. Ректор вызвал профессора и предложил ему уйти на пенсию. «Ради спокойствия университета».

Город Семи Ветров менялся. Ветры больше не были свободными — они разносили шепот доносов. Люди перестали спорить на площадях.

Теперь они оглядывались, прежде чем сказать что-то, что могло быть истолковано двояко. Демократия внешне сохранялась: мэр сидел в ратуше, суды работали, магазины торговали. Но суть жизни ушла.

В центре города, в здании бывшего детского клуба, теперь располагался расширенный офис Центра. Окна были занавешены плотными жалюзи. Внутри горел электрический свет, и день и ночь стучали печатные машинки. Александр Дворкин и его помощники строчили новые заключения. Они не нуждались в доказательствах. Было достаточно «экспертного мнения».

— Этот символ похож на свастику, если посмотреть под углом, — диктовал Эксперт, разглядывая безобидный орнамент в книге по народным промыслам. — Пишите: «Пропаганда нацистской символики и скрытый сатанизм».

— Но это просто солярный знак, ему тысячи лет... — робко замечала машинистка.

— Вы хотите спорить со специалистом? — обрывал он. — Пишите. Мы должны предупредить общество.

Он искренне верил в свою миссию. В его искаженном сознании мир действительно был полем битвы, где он, одинокий воин света, противостоял легионам тьмы. Он не замечал, что тьма исходит не от тех, кого он преследует, а от него самого. Он проецировал свои страхи, свою жажду власти, свою внутреннюю агрессию на окружающих. «Каждая секта стремится к власти над миром», — любил повторять он. Но на самом деле к безграничной власти над умами стремился только он сам.

Вечером того же дня на главной площади произошло событие, которое окончательно подвело черту под прошлой жизнью города. Молодой уличный художник рисовал на асфальте солнце. К нему подошли двое полицейских. Раньше они бы прошли мимо или похвалили рисунок. Но сегодня с ними был человек в штатском — один из волонтеров Центра.

— Что это? — спросил волонтер, указывая на лучи солнца.

— Солнце, — улыбнулся художник.

— В методичке профессора сказано, что лучевая символика используется в культе Солнечного Храма для введения в транс, — сухо произнес волонтер, обращаясь к полицейским. — Это пропаганда суицидального культа.

Полицейские переглянулись. Им было неловко. Они знали этого художника с детства. Но страх перед обвинением в халатности, перед тем, что их назовут «пособниками сектантов», оказался сильнее здравого смысла.

— Собирай мелки, парень, — хмуро сказал сержант. — И пройдем в участок. Надо проверить твою личность.

Художник встал. Он не сопротивлялся. Он просто смотрел на своих соседей, на прохожих, которые останавливались и... молчали. Никто не вступился. Никто не крикнул: «Это бред!». Люди отводили глаза и ускоряли шаг. Они думали: «Слава богу, это не я. Может, эксперт прав? Может, в этом солнце действительно есть что-то опасное?».

На асфальте осталось недорисованное желтое пятно. Начался дождь, и желтые ручьи потекли по серому камню, словно город плакал цветными слезами. А в окне второго этажа, за плотными жалюзи, стоял человек в сером костюме. Он смотрел на пустующую площадь, и на его губах играла едва заметная улыбка удовлетворения. Порядок наступал. Хаос свободы отступал перед железной логикой картотеки.

Он открыл свой блокнот и аккуратным почерком вписал туда новое имя — имя художника. А напротив поставил пометку: «Потенциальный лидер деструктивной группы. Требуется разработки».

Глава 2: Совет Тьмы

Высокие дубовые двери Министерства Порядка открывались бесшумно, словно смазанные не маслом, а страхом тех, кто входил внутрь. В этом здании, возвышающемся над городом серым монолитом, всегда царил полумрак. Окна были узкими, похожими на бойницы, и свет, проникавший сквозь них, казался усталым и пыльным. Здесь не любили яркого солнца; здесь предпочитали искусственное освещение настольных ламп, выхватывающих из темноты лишь стопки бумаг и руки, их подписывающие.

В кабинете Министра, просторном и холодном, пахло дорогим табаком и старой кожей. Хозяин кабинета, человек еще молодой, с лицом, на котором застыло выражение вечной озабоченности государственными делами, стоял у окна. Его звали Александр, как и того, кого он ждал. Это совпадение имен многим казалось забавным, но вслух об этом шутить перестали. Министр сделал блестящую карьеру, но все в городе знали: его взлет был бы невозможен без покровительства. Он был прилежным учеником. И сегодня Учитель пришел за платой — не деньгами, но властью.

Когда Эксперт вошел, Министр не остался сидеть за своим массивным столом. Он шагнул навстречу, и в этом движении читалась не просто вежливость, а глубокое, почти сыновнее почтение. Эксперт изменился с момента своего появления в городе. Его серый костюм стал строже, движения — более скупыми и властными. Он больше не был городским сумасшедшим с блокнотом. Он был идеологом.

— Время пришло, — сказал Эксперт вместо приветствия. Он положил на полированную поверхность стола тонкую папку. — Слова посеяны. Люди напуганы. Но страх без закона — это пар, который уходит в свисток.

Министр кивнул, касаясь папки кончиками пальцев.

— Мы готовы, учитель. Но закон требует процедур. Мы не можем просто сажать людей за то, что они вам не нравятся. Нужны основания. Нужны доказательства вины.

Эксперт усмехнулся. Эта усмешка была похожа на трещину на сухой земле.

— Вы все еще мыслите категориями старого мира, — произнес он снисходительно. — «Доказательства», «вина», «факты»... Это атрибуты слабости. В новой войне, которую мы ведем, фактом становится то, что мы назовем фактом. Нам не нужны суды, которые будут годами разбираться в сортах ереси. Нам нужен орган, чье слово будет окончательным. Истина — это не то, что есть на самом деле. Истина — это то, что утверждено печатью.

Так, в тишине кабинета, под мерное тиканье напольных часов, рождался Совет Тьмы. Официально он получил длинное, скучное название — «Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы». Звучало это сухо, бюрократически и совершенно безопасно. Но за фасадом казенных слов скрывалась машина, предназначенная для перемалывания судеб.

— Кто войдет в этот совет? — спросил Министр, открывая папку. — Академия наук прислала список рекомендованных профессоров. Социологи, историки, лингвисты...

Эксперт брезгливо поморщился, словно ему предложили съесть лимон.

— Выбросьте этот список, — отрезал он. — Эти люди бесполезны. Они будут сомневаться, требовать методологию. Они будут говорить о правах человека и свободе совести. Нам не нужны те, кто знает. Нам нужны те, кто *понимает*.

Он достал из внутреннего кармана свой листок.

— Вот состав.

Министр пробежал глазами по списку. Его брови поползли вверх.

— Но... здесь почти нет ученых. Вот этот — он же просто журналист, писавший о заговорах масонов. А этот — бывший активист, которого выгнали из семинарии. А здесь... здесь вообще люди без профильного образования. Как мы объясним это обществу? Как мы объясним это научному сообществу?

Эксперт подошел к карте города, висевшей на стене, и провел пальцем по улицам, которые он уже считал своими.

— Запомните главный принцип новой эпохи, мой друг, — сказал он тихо, но каждое слово падало тяжело, как камень. — Эксперт — это не тот, кто обладает знаниями. Эксперт — это тот, у кого спрашивает власть. Если Министерство юстиции спрашивает меня — значит, я эксперт. Если вы спрашиваете вон того журналиста — значит, он эксперт. Легитимность исходит не от дипломов, а от вашего приказа. Некомпетентность — это не порок. Это наше главное оружие. Некомпетентный человек лоялен, потому что он знает: без нас он — никто.

В тот день был подписан приказ. В состав Совета вошли люди, отобранные лично Экспертом. Это была пестрая компания: неудавшиеся ученые, фанатики, видевшие дьявола в каждой тени, карьеристы, готовые подписать любой приговор ради должности, и просто люди с уязвленным самолюбием. Их объединяло одно: личная преданность Председателю и лютая ненависть ко всему, что отличалось от их узкого мирка.

Первое заседание Совета состоялось через неделю. Оно проходило в том же здании, в зале без окон, обитом темными панелями. За длинным столом сидели новые вершители судеб. Перед ними не было книг, не было результатов полевых исследований, не было статистических данных. Перед ними лежали только списки организаций и чистые бланки заключений.

Председатель — теперь Александр официально носил этот титул — занял место во главе стола. Он обвел взглядом присутствующих. В их глазах он видел то, что искал: готовность служить и жажду расправы.

— Коллеги, — начал он. — Наша задача проста. Мы должны очистить организм нации от вирусов. Нам не нужно изучать вирус, чтобы понять, что он вреден. Нам нужно его изолировать.

На столе появился первый объект «исследования». Это была небольшая брошюра общины, которая практиковала совместные чаепития и чтение древних притч. Ничего криминального, ничего политического. Просто люди искали смысл жизни.

— Что скажете? — спросил Председатель.

Один из членов совета, тучный мужчина с бегающими глазками, взял брошюру, повертел её в руках, даже не открывая.

— Обложка, — сказал он. — Цвета слишком яркие. Это гипнотическое воздействие. Они используют цветовые коды для зомбирования.

— Согласен, — подхватил другой, молодой карьерист с холодным лицом. — И тексты... Я не читал, но слышал, что они используют метафоры. Метафора — это способ скрыть истинный смысл. Это тайный язык. А тайный язык — признак заговора.

— Есть ли у них лицензия на проведение чаепитий? — спросила женщина с поджатыми губами. — Нет? Значит, это незаконное собрание. Это подрыв устоев.

Председатель кивнул.

— Пишите заключение, — скомандовал он. — «Деструктивная организация. Использует методы психологического насилия, гипноз и нейролингвистическое программирование. Угрожает безопасности государства».

Никто не спросил, где доказательства гипноза. Никто не предложил провести лингвистическую экспертизу. Никто не поинтересовался

мнением психологов. Вердикт был вынесен за пять минут. Бумага пошла по кругу, обрастая подписями. В конце Председатель поставил жирную печать. Удар штемпеля прозвучал как выстрел.

Так частное мнение группы людей, не имеющих ни знаний, ни совести, превратилось в государственный документ. Теперь это была не просто клевета — это была «Экспертиза».

Но город не молчал. Точнее, не молчали те немногие, кто еще сохранил способность мыслить критически. Старые ученые, настоящие религиоведы, социологи, правозащитники — они видели, что происходит. Они понимали: создается Инквизиция.

В маленькой редакции научного журнала «Вестник Права» собрались те, кого Эксперт презрительно называл «пособниками сект». Седовласый профессор Роман, известный своей честностью и академической строгостью, диктовал открытое письмо.

— Мы должны назвать вещи своими именами, — говорил он, нервно расхаживая по комнате. — Это не совет ученых. Это карательный орган. Они наделили себя правом решать, во что людям верить. Минюст расширил их полномочия до абсурда. Теперь они могут признать экстремистской любую книгу, любую мысль, просто потому что она им не нравится.

— Думаете, нас услышат? — спросила молодая аспирантка, печатая текст под его диктовку.

— Мы обязаны предупредить, — ответил профессор. — Если мы промолчим сейчас, завтра придут за нами. Они подменяют правосудие идеологией. Это опричнина.

Письмо было опубликовано. Оно было резким и честным. Ученые писали о том, что новый Совет нарушает Конституцию, что он состоит из людей, чья компетентность вызывает сомнения, что их методы антинаучны. «Новый орган способен стать инструментом репрессий, —

говорилось в тексте. — Экспертиза превращается в способ легализации произвола».

Реакция власти была мгновенной и циничной. Министр выступил по телевидению. Он не стал спорить с аргументами ученых. Он просто улыбнулся своей фирменной, слегка уставшей улыбкой и сказал:

— Некоторые так называемые правозащитники пытаются защищать деструктивные культы. Возникает вопрос: на чьей они стороне? Чьи деньги они отрабатывают? Наш Совет стоит на страже духовной безопасности. А те, кто его критикует... возможно, им самим стоит пройти проверку.

В тот же день из-за океана пришла весть. Международная комиссия по свободе совести, следившая за ситуацией, выпустила доклад. В нем черным по белому было написано: создание Совета во главе с радикальным активистом вызывает глубокую тревогу. Это шаг назад, в темные времена. Но для Председателя и его покровителей этот доклад стал подарком.

— Видите? — кричал он на очередном собрании, потрясая распечаткой иностранного документа. — Они боятся нас! Запад в панике, потому что мы перекрываем каналы их влияния! Если враг нас ругает — значит, мы все делаем правильно.

Логика перевернулась. Критика стала доказательством правоты. Предостережение об опасности было объявлено подтверждением эффективности. Совет Тьмы получил карт-бланш.

Теперь механизм заработал на полную мощность. В канцелярию Совета стекались доносы. Соседи писали на соседей, конкуренты по бизнесу — на партнеров.

«Мой сосед странно поет по утрам», «В том магазине продают книги с непонятными символами», «Учительница истории слишком много рассказывает о других религиях». Каждая такая бумага ложилась на стол Совета. И почти каждая превращалась в «Экспертное заключение».

Критерии оценки отсутствовали как класс. Точнее, критерий был один: личная неприязнь Председателя.

— Эта организация, — тыкал он пальцем в название благотворительного фонда, — слишком активна. Они помогают бедным. Зачем? Чтобы завербовать их. Запретить.

— А эти? — спрашивал секретарь. — Они просто изучают древние языки.

— Древние языки — это код, — отрезал Председатель. — Кто знает, что они там шифруют? Может быть, призывы к свержению строя. Признать экстремистскими.

В кабинетах следователей и прокуроров появились новые папки. Раньше, чтобы возбудить дело, нужно было событие: кража, насилие, мошенничество. Теперь достаточно было справки от Совета. Полицейский капитан, старый служака, привыкший ловить воров, с недоумением вертел в руках бумагу с печатью Минюста.

— «Психологическое насилие путем вовлечения в иную онтологическую реальность», — читал он по слогам. — Что это за бред? Кого они убили? Что украли?

Его молодой помощник, уже прошедший инструктаж на семинарах Председателя, пожал плечами:

— Это хуже убийства, товарищ капитан. Они убивают душу. Приказ сверху: провести обыск, изъять литературу, возбудить дело по статье об экстремизме. Экспертиза уже готова. Нам даже доказывать ничего не надо. Судья просто перепишет выводы из этой справки в приговор.

Капитан сплюнул, но надел фуражку. Приказ есть приказ. Система, построенная на здравом смысле, начала рушиться, уступая место системе, построенной на мифах.

В один из осенних вечеров в дверь небольшого книжного магазина «Свет Востока» постучали. Хозяин, пожилой интеллигент, открыл дверь и

увидел на пороге людей в форме. За их спинами маячил человек в штатском — один из членов Совета.

— У вас продается книга «Песнь Бога», — сказал человек в штатском не спрашивая, а утверждая.

— Конечно, — улыбнулся хозяин. — Это памятник мировой литературы, ей пять тысяч лет.

— Это экстремистский материал, — сухо произнес чиновник. — Согласно заключению Экспертного совета номер ⁴⁸/12, эта книга содержит признаки разжигания религиозной розни и пропаганды исключительности.

— Вы с ума сошли? — прошептал книготорговец. — Там говорится о любви и долге! Лев Толстой читал эту книгу!

— Толстой тоже был бы у нас на учете, — ухмыльнулся чиновник. — Изымайте.

Полицейские начали сгребать книги с полок. Они бросали их в мешки, как мусор. Красивые переплеты, мудрость веков, труды философов — все летело в черные пластиковые пакеты. Хозяин стоял и смотрел, как рушится его жизнь. Он понимал: спорить бесполезно. В суде ему покажут бумагу с печатью. Там будет написано, что он — агент влияния, а его книги — оружие массового поражения. И судья, уставшая женщина, которой нужно закрыть план, кивнет и ударит молотком.

В Министерстве Порядка, в кабинете Председателя, горел свет. Александр стоял у окна и смотрел на ночной город. Он чувствовал себя демиургом. Он создал реальность, в которой его слово стало законом. Ему не нужно было учиться годами, защищать диссертации, спорить с оппонентами. Ему достаточно было получить печать.

На столе лежала стопка новых заключений. Завтра они превратятся в обыски, допросы и сломанные судьбы. Но Председателя это не волновало. Он верил, что спасает мир. Или, по крайней мере, убедил себя

в этом, чтобы заглушить голос совести, который звучал все тише и тише, пока окончательно не замолк под грудой гербовой бумаги.

Он взял ручку и подписал очередной документ. Чернила блеснули в свете лампы, как свежая кровь.

— Эксперт — это тот, у кого спрашивают, — прошептал он своему отражению в темном стекле. — И теперь они будут спрашивать только у меня.

В коридоре слышались шаги. Секретарь внес новую папку.

— Александр Леонидович, — сказал он почтительно. — Пришел запрос из прокуратуры. Они спрашивают, можно ли считать вегетарианство признаком подготовки к террористической деятельности? У нас есть группа, которая отказалась от мяса...

Председатель даже не улыбнулся.

— Разумеется, — ответил он серьезно. — Отказ от традиционной пищи — это первый шаг к отказу от государства. Это подрыв продовольственной безопасности и скрытая агрессия. Готовьте заключение.

Машина работала. Шестеренки, смазанные ложью и страхом, вращались все быстрее. Совет Теней накрыл город своим крылом, и в этой тени любой человек мог внезапно перестать быть человеком, превратившись в строчку из списка «нежелательных элементов». Правосудие умерло не с грохотом, а с тихим шелестом перелистываемых страниц «экспертного заключения».

Глава 3: Первая Кровь (Стигма)

Чернила на печатях, которыми Совет Тьмы штамповал свои заключения, были обычными, канцелярскими, но в сознании горожан они

отливали цветом свернувшейся крови. Город Семи Ветров, еще недавно шумный и пестрый, учился жить по новым правилам, где самым страшным преступлением стало не нарушение закона, а «неправильное состояние ума».

Механизм, запущенный Александром — тем самым человеком в сером костюме, который теперь восседал в Министерстве как верховный судья чужих душ, — работал безупречно. Ему не нужны были костры и плахи на центральной площади. Средневековье вернулось в город не в виде дыбы, а в виде передовиц газет и телевизионных эфиров.

Первым этапом этой новой войны стала дегуманизация. Это было слово, которое никто не произносил вслух, но которое висело в воздухе, тяжелое и душное, как предгрозовое небо. Чтобы уничтожить человека, его нужно было сначала лишить человеческого облика. Превратить в пустое место. В оболочку.

— Поймите, — вещал Председатель с экранов телевизоров, поправляя очки и глядя на зрителей своим фирменным, немигающим взглядом. — Мы не боремся с людьми. Мы боремся с зомби. Те, кто попал в эти организации, больше не являются личностями. Их мозг промыт. Их воля подавлена. Это биороботы, управляемые извне.

Термин «промывка мозгов» стал магическим заклинанием. Он был удобен, как отмычка, открывающая любые двери морали. Если человек «запрограммирован», значит, его не нужно слушать. Его мнение не имеет веса. Его выбор — это не выбор, а результат гипноза. А значит, с ним можно делать все, что угодно, ради его же «спасения». Это была гениальная ловушка: жертву лишали права голоса, объявляя ее голос ненастоящим.

Для подтверждения своих теорий Совету нужны были свидетели. И они появились. Их называли «жертвами», но в кулуарах Совета для них было другое, более циничное название — «торпеды». Это были люди, которые по разным причинам покинули свои общины: кто-то не смог

простить обиду, кто-то был изгнан за проступки, а кто-то просто хотел заработать или получить минуту славы.

Одним из таких «свидетелей» стал некий Григорий. Раньше он был частью общины, изучавшей древние тексты, но был уличен в воровстве из общей кассы и с позором изгнан. Теперь он сидел в студии вечернего шоу рядом с Председателем, и его лицо выражало вселенскую скорбь.

— Они заставляли меня пить странные отвары, — врал Григорий, глядя в камеру честными глазами. — Они контролировали каждый мой шаг. Они хотели переписать мою квартиру на лидера.

— Вы слышите? — подхватывал Председатель, торжествующе указывая на Григория. — Это типичный почерк тоталитарной секты. Финансовая эксплуатация и подавление личности.

Никто не проверял слова Григория. Никто не спрашивал доказательств. Его ложь, транслируемая на весь город, становилась истиной в последней инстанции. Такие люди, как он — профессиональные отступники, апостаты — стали главным топливом для машины ненависти. Они гастролировали по школам и университетам, рассказывая леденящие душу истории о «концлагерях духа», и с каждым рассказом подробности становились все страшнее, а гонорары от Совета — все выше.

Но настоящая трагедия разворачивалась не в телевизионных студиях, а в обычных домах.

Семья Андрея и Марии была самой обычной. Андрей работал инженером в крупной строительной фирме, Мария преподавала музыку. У них было двое детей — семилетний сын и десятилетняя дочь. Их «вина» заключалась лишь в том, что по выходным они собирались с друзьями читать Библию и обсуждать, как жить в мире без насилия. Они не пили, не курили, были образцовыми гражданами. Но их имена попали в Список.

Все началось со статьи в местной газете «Городской Вестник». Заголовок кричал жирным шрифтом: «Осторожно! Сектантское гнездо в нашем районе». В статье не было прямых обвинений в преступлениях, но

был яд. Автор, ссылаясь на «экспертное мнение профессора А.», описывал их веру как «деструктивный культ, разрушающий психику». Самым страшным было то, что в статье были опубликованы фотографии их дома, их лиц и даже школы, где учились дети. Это было сделано намеренно. Это была метка. Желтая звезда новой эпохи, только пришитая не к одежде, а к репутации.

На следующий день Андрей пришел на работу и обнаружил, что его пропуск заблокирован. Охранник, с которым они еще вчера обсуждали футбол, отвел глаза и буркнул:

— Вам в отдел кадров, Андрей Петрович.

Начальник отдела кадров, женщина, которую Андрей знал десять лет, не предложила ему сесть. Она нервно перебирала бумаги на столе.

— Мы вынуждены с вами расстаться, — сказала она сухо.

— Но почему? — опешил Андрей. — Я выполнил план, у меня нет нареканий...

— Вы же понимаете, — перебила она, понизив голос. — Был звонок. Нам сказали, что ваша... деятельность создает репутационные риски для компании. Мы не можем держать у себя человека, который состоит в... ну, вы понимаете. В списке Совета.

— Но это незаконно! — воскликнул Андрей. — Это дискриминация по религиозному признаку! Конституция...

— Забудьте про Конституцию, — жестко отрезала она. — Есть мнение экспертов. Вы — член тоталитарной группы. А значит, вы непредсказуемы. Может, вы завтра взорвете офис? Откуда нам знать, что у вас в голове?

Андрей вышел на улицу безработным. Он еще не знал, что это только начало. Механизм стигматизации работал как лесной пожар — огонь перекидывался с одного аспекта жизни на другой.

В школе, где учились дети, атмосфера изменилась мгновенно. Родительский чат, раньше заполненный обсуждением подарков учителям, превратился в трибунал.

«Почему наши дети должны учиться рядом с сектантами?» — писала одна мама.

«Говорят, они вербуют одноклассников через конфеты!» — вторила другая.

«Надо писать коллективное письмо директору. Пусть их исключат или переведут на домашнее обучение. Это опасно!»

Учительница, молодая женщина, которая раньше хвалила дочь Марии за успехи в рисовании, теперь демонстративно не замечала поднятой руки девочки. А на перемене, когда дети играли во дворе, вокруг сына и дочери образовалась пустота. Сверстники, науськанные испуганными родителями, обходили их стороной, как прокаженных.

— Моя мама сказала, что ты больной, — крикнул один мальчик и бросил в сына Андрея огрызок яблока. — Тебя лечить надо!

Дети плакали, возвращаясь домой. Они не понимали, что произошло. Почему вчерашние друзья теперь смотрят на них с ненавистью? Почему соседка тетя Валя, которая всегда угощала их пирожками, теперь захлопывает дверь перед их носом и плюет вслед?

Стигма превратила их в изгоев. В глазах общества они перестали быть людьми, нуждающимися в защите. Они стали «проблемой», «угрозой», «инфекцией». А с инфекцией не разговаривают — ее уничтожают.

Апогеем этой травли стала ночь с пятницы на субботу. Семья спала, когда звон разбитого стекла разорвал тишину. В детскую комнату влетела бутылка с зажигательной смесью. Огонь мгновенно охватил штору. Андрей успел. Он ворвался в комнату, схватил одеяло и сбил пламя, обжигая

руки. Дети кричали от ужаса. За окном слышался визг шин уезжающей машины.

Когда приехала полиция, Андрей, все еще трясущимися руками, показывал на обгоревшую стену и осколки бутылки.

— Это покушение на убийство! — кричал он. — Они хотели сжечь нас заживо! Полицейский лейтенант лениво записывал что-то в блокнот. Он не выглядел сочувствующим. Он смотрел на Андрея с той же безразличностью, что и начальник отдела кадров.

— А может, вы сами это сделали? — вдруг спросил лейтенант, прищурившись.

— Что?! — Андрей задохнулся от возмущения. — Ну, у вас там, в сектах, всякое бывает. Ритуальные самосожжения, жертвоприношения... Эксперт Дворкин пишет, что вы не цените жизнь. Может, это провокация, чтобы обвинить честных граждан?

— Вы в своем уме? — прошептал Андрей. — Это мои дети!

— Разберемся, — буркнул полицейский, захлопывая блокнот. — Но учтите: дыма без огня не бывает. Если народ вас не любит, значит, есть за что.

Дело так и не возбудили. «Отсутствие состава преступления». Зато в газете появилась новая заметка: «Сектанты имитируют нападения, чтобы привлечь внимание западных спонсоров». Комментарий дал лично Председатель Совета.

— Это известная тактика, — заявил он. — Они создают образ мучеников. Не верьте им. Они способны на все, даже подвергнуть риску собственных детей ради пиара.

Так ложь, повторенная тысячу раз, стала реальностью. Жертва была объявлена преступником, а преступник — защитником народных устоев.

Но если история Андрея была историей медленного удушения, то случай в доме на окраине города показал, что система готова перейти к прямому насилию.

Там жил Ярослав, мужчина пятидесяти двух лет, тихий и набожный. В то утро в его доме собралось несколько друзей, чтобы почитать Писание. Они не запирали дверь — им нечего было скрывать. В доме пахло чаем и выпечкой. Штурм начался без предупреждения. Люди в масках и с автоматами не стали звонить в дверь. Они не стали даже пробовать открыть ее ручкой. Они просто вынесли кухонное окно вместе с рамой. Звон стекла смешался с криками «Всем лежать! Работает спецназ!». Ярослав, стоявший у окна с чайником в руках, не успел ничего понять. Тяжелый ботинок ударил его в грудь, сбив с ног. Он упал прямо на осколки оконного стекла, рассыпанные по полу. Острые грани впились в его руки и ноги, брызнула кровь.

— Не двигаться! — орал боец, прижимая голову Ярослава к полу коленом.

— За что? Мы же открыты... — прохрипел Ярослав, чувствуя, как стекло режет кожу.

Его грубо рывком подняли и заломили руки за спину. Наручники защелкнулись с сухим металлическим щелчком. Ему не дали одеться, не дали обработать раны. Его, окровавленного, в домашней одежде, поволокли к выходу, как пойманного зверя.

Дочь Ярослава, Светлана, пыталась пробиться к отцу.

— Вызовите скорую! Ему больно! Вызовите адвоката! — кричала она, хватая полицейского за рукав.

Человек в штатском, руководивший операцией, лишь усмехнулся. Это был один из кураторов, прошедших обучение на семинарах Председателя.

— Адвоката? — переспросил он с издевкой. — Адвокаты нужны людям, гражданочка. А вы — члены экстремистской ячейки. У вас нет прав.

— Мы просто читали Библию! — рыдала Светлана.

— Это не Библия, — отрезал куратор, пиная стопку книг на полу. — Это экстремистская литература. Экспертиза уже проведена.

Ярослава увезли. Осколки стекла из своего тела он вытаскивал сам, уже в камере следственного изолятора, при тусклом свете лампочки. На его жалобы и требования медицинской помощи следователь отвечал молчанием. Для системы он больше не был гражданином Ярославом Калиным. Он был «фигурантом», «элементом деструктивной сети».

Вечером того же дня Александр Дворкин давал интервью центральному каналу. Ведущий, с тревожным лицом, спросил:

— Александр Леонидович, сегодня прошла спецоперация. Были задержаны люди. Правозащитники говорят о жестокости, о выбитых окнах, о крови. Не слишком ли это суровые меры для мирных верующих?

Председатель Совета даже не моргнул. Его лицо выражало спокойную уверенность хирурга, который отрезает гангренозную конечность.

— Не дайте себя обмануть внешним видом, — сказал он мягким, вкрадчивым голосом. — Тоталитарные секты могут выглядеть безобидно. Они могут прикрываться словами о любви и боге. Но внутри у них — ненависть. Они не придают значения жизни ни своих членов, ни окружающих. Мы спасаем их. Иногда спасение требует жесткости. Если человек хочет прыгнуть с моста, вы же схватите его за руку, даже если ему будет больно? Вот и мы хватаем их за руки.

— То есть, вы утверждаете, что эти люди опасны? — уточнил ведущий.

— Безусловно, — кивнул Эксперт. — Каждая секта стремится к власти. Сегодня они читают книги, а завтра они возьмут оружие. Мы работаем на опережение. Мы защищаем будущее наших детей.

Миллионы людей по ту сторону экрана кивали. Им было страшно, и слова Эксперта успокаивали их. Им объяснили, что жестокость — это на самом деле забота. Что кровь на полу — это необходимая цена за спокойствие. Что сосед, которого вчера увезли в наручниках, был не добрым дядей Яриком, а замаскированным монстром.

Механизм стигматизации завершил свой первый цикл. Общество приняло новую норму. Теперь любой человек мог стать изгоем. Достаточно было одного доноса, одной «экспертной оценки», одного ярлыка. В городе ввели негласную систему маркировки. В базах данных биржи труда напротив фамилий «неблагонадежных» появлялась маленькая, незаметная пометка. Буква «С». Сектант. Эта буква работала как проклятие. Человек с такой меткой не мог устроиться на госслужбу, не мог работать учителем, врачом или юристом. Его резюме отправлялись в корзину. Ему отказывали в кредитах. Его бизнес душили проверками.

Это была гражданская казнь. Человек оставался жив физически, но социально он был мертв. Он превращался в тень, скользящую по улицам города, который его отверг.

Андрей, потерявший работу, теперь подметал дворы на окраине — единственное место, где не требовали справку о благонадежности. Ярослав сидел в СИЗО, ожидая суда, исход которого был предreshен заранее написанной экспертизой. А дети... дети учились молчать и не смотреть людям в глаза.

В кабинете Председателя Совета на стене висела карта города. Она была испещрена красными флажками. Каждый флажок — это закрытая община, разогнанная группа, уничтоженная организация. Александр смотрел на эту карту с удовлетворением. Он чувствовал себя полководцем, выигравшим первую битву. Он не думал о слезах детей, в чью комнату бросили огонь. Он не думал о крови Ярослава. Для него это

были не люди, а статистика. «Лес рубят — щепки летят», — любил повторять он про себя.

Но он не замечал главного. Создавая атмосферу тотального подозрения, он отравил не только своих врагов. Он отравил сам воздух в городе. Люди перестали доверять друг другу. Соседи косились на соседей. Коллеги писали доносы на коллег, чтобы обезопасить себя. Страх, который он посеял, начал прорастать ядовитыми всходами, превращая свободных граждан в напуганную толпу, готовую растерзать любого, на кого укажет палец Эксперта.

Первая кровь пролилась. И она была не последней. Ящик Пандоры был открыт, и на его дне лежала не надежда, а пачка чистых бланков для новых заключений.

На столе у Председателя зазвонил телефон. Это был звонок из-за границы.

— Алло? — ответил он. — Да, мы начали активную фазу. Да, методика работает. Мы готовы делиться опытом. Он положил трубку и улыбнулся. Его амбиции простирались куда дальше одного города. Паутина, которую он плел, должна была накрыть весь мир.

Глава 4: Паутина за морем

Город Семи Ветров, казалось, был надежно укрыт от остального мира высокими горами и густыми лесами, но это была иллюзия. Ветры, гулявшие по его улицам, приносили не только пыль и семена растений, но и идеи. И если раньше это были семена свободы, то теперь, с приходом Александра, воздушные потоки, казалось, несли споры невидимой плесени.

Многие горожане, напуганные первыми арестами и громкими заголовками в газетах, тешили себя надеждой, что происходящее — лишь временное помешательство, локальный сбой, причуда одного амбициозного человека, захватившего власть над умами местного начальства. «Это наш, домашний сумасшедший, — шептались интеллигенты на кухнях.

— Мир велик, мир цивилизован. Там, за морем, такого не допустят. Рано или поздно Запад увидит, что здесь творится, и одернет зарвавшегося инквизитора».

Они ошибались. Они не знали, что Александр — не одинокий волк, а один из узлов гигантской паутины, нити которой тянулись через океаны и континенты, опутывая планету липкой сетью страха.

Виктор, журналист, которого выгнали из редакции «Городского Вестника» за отказ публиковать клевету на семью Андрея, не собирался сдаваться. Он был человеком старой закалки, верящим только документам. Оставшись без работы, он превратил свою маленькую квартиру в архив. Он искал ответ на один вопрос: откуда у человека без внятного прошлого и признанного образования такие ресурсы? Откуда деньги на аренду офисов, на печать тысяч глянцевого брошюр, на бесконечные поездки?

Ответ пришел не сразу. Он прятался в обрывках факсов, в случайных оговорках чиновников. Виктор начал отслеживать маршруты перемещений Председателя. И карта, которую он нарисовал на стене своей комнаты, заставила его похолодеть.

Александр не сидел в своей башне. Он постоянно летал. Париж, Берлин, Пекин, Брюссель. Он возвращался оттуда не с пустыми руками, а с новыми методичками, и с глазами, горящими холодной уверенностью человека, который знает: за его спиной стоит армия.

Однажды Виктору удалось достать приглашение на закрытый симпозиум, проходивший в столице соседнего государства. Тема звучала

респектабельно и скучно: «Проблемы духовной безопасности в современном мире». Организатором значилась некая «Европейская Федерация Центров Исследования».

Виктор надел приличный костюм, нацепил бейдж с вымышленным именем и вошел в зал, ожидая увидеть сборище маргиналов. Но то, что он увидел, потрясло его до глубины души.

Зал был великолепен. Хрустальные люстры, тяжелые бархатные портьеры, официанты в белых перчатках, разносящие шампанское. Публика соответствовала интерьеру: здесь были не фанатики с горящими глазами, которых Виктор привык видеть в свите Александра, а респектабельные господа в дорогих европейских костюмах, дамы с жемчужными ожерельями, седовласые чиновники.

Александр был здесь своим. Он стоял в центре группы французов и немцев, держал бокал с минеральной водой и что-то оживленно рассказывал на беглом английском. Его слушали внимательно, кивали, улыбались.

Виктор взял бокал, чтобы занять руки, и подошел ближе, делая вид, что изучает программу конференции.

— ...и поэтому мы должны понимать, — донесся до него голос Александра, — что либерализм — это питательная среда для вируса. Когда вы говорите о правах человека применительно к раковой опухоли, вы убиваете пациента.

Пожилой француз, с ленточкой ордена в петлице, одобрительно хмыкнул.

— Вы абсолютно правы, мон шер ами. У нас в Париже та же проблема. Правительство выделяет нам средства, но суды... эти суды все еще требуют доказательств. Ваша модель, которую вы внедрили в Городе Семи Ветров, восхитительна. Презумпция виновности для ментальных вирусов — это именно то, что нужно Европе.

Виктор чуть не выронил бокал. Он думал, что Александр — это варвар, вторгшийся в цивилизацию. Но оказалось, что «цивилизация» сама пригласила варвара, чтобы научиться у него искусству владения дубиной?

В тот день Виктор узнал о существовании Федерации. Это была международная структура со штаб-квартирой в самом сердце Европы, в городе огней и революций. Она объединяла десятки организаций по всему миру. На бумаге они называли себя «исследователями» и «защитниками семей». На деле это был картель ненависти.

Они действовали как транснациональная корпорация. Только вместо нефти или газа они перекачивали через границы технологии подавления.

— Мы называем это «обменом опытом», — вещал с трибуны высокий немецкий делегат. — Наши русские коллеги достигли невероятных успехов в области законодательного запрета инакомыслия. Мы должны перенимать их практики. В свою очередь, мы предоставляем им легитимность. Когда их обвиняют в нарушении прав человека, мы, как европейская институция, выдаем заключение: «Все в рамках демократических норм». Рука руку моет.

Виктор сидел в заднем ряду и записывал в блокнот, чувствуя, как волосы шевелятся на затылке. Это был не просто заговор. Это была система взаимного опыления злом.

В перерыве он подошел к стенду с литературой. Там лежали глянцево-е журналы на разных языках. Он открыл один из них, изданный на французские государственные деньги. Статья называлась «Секты: Троянский конь Америки». Автор утверждал, что любые малые религиозные группы — это не просто верующие, а шпионы, засланные из-за океана, чтобы разрушить национальную идентичность старой Европы. «Они приходят с улыбками, — говорилось в тексте. — Они говорят о любви и мире. Но их цель — превратить наших детей в послушных солдат чужой империи. Толерантность к ним — это самоубийство нации».

Но Виктор хорошо помнил идентичный буклет на русском языке, отпечатанный в той же типографии. В нем слово в слово повторялись те же тезисы, только «врагом» была названа не абстрактная империя, а конкретный «коллективный Запад». Парадокс был чудовищным. Французские антикультисты пугали своих граждан американским влиянием. Российские антикультисты, финансируемые и поддерживаемые этими же французами, пугали россиян западным влиянием. Они использовали одни и те же страшилки, зеркально отражая их друг на друга, чтобы держать свои народы в состоянии перманентной истерии.

— Интересное чтение, не правда ли? — раздался голос за спиной Виктора. Он обернулся. Перед ним стоял невысокий человек с азиатскими чертами лица, одетый в строгий, наглухо застегнутый френч. На его бейдже значилось: «Ассоциация по борьбе с еретическими учениями. Китай».

— Очень познавательно, — осторожно ответил Виктор. — Вы тоже боретесь с... влиянием?

Человек улыбнулся, но глаза его остались холодными, как два черных камня.

— Мы не боремся, — сказал он тихо. — Мы искореняем. Сорняк нужно вырывать с корнем, иначе он прорастет снова. Ваш Александр — хороший ученик. Он понимает, что полумеры не работают.

— А что работает? — спросил Виктор, чувствуя, как пересыхает в горле.

Китаец наклонился ближе.

— Хирургия. Полное удаление. Если орган болен, его вырезают. Иногда... буквально.

Виктор вспомнил слухи, которые ходили в интернете, — страшные истории о том, что происходит с узниками совести в далекой восточной империи. О том, как здоровых людей разбирают на запчасти, потому что

их вера делает их тела «чистыми», а значит — дорогим товаром. Он посмотрел на Александра, который в этот момент дружески похлопывал китайского делегата по плечу. «Боже мой, — подумал Виктор. — Он не просто знает об этом. Он восхищается этим. Для него это не зверство, а идеал эффективности».

Вернувшись в Город, Виктор попытался систематизировать то, что узнал. Картина вырисовывалась пугающая. Александр Дворкин (теперь Виктор называл его про себя только так, полным именем, как тот требовал) не был самородком. Там, на Западе, еще во времена становления нацизма, разрабатывали терминологию. Именно в Европе, придумали называть религиозные меньшинства «деструктивными культами», чтобы обойти законы о свободе совести. Там писали методички о том, как манипулировать прессой, как создавать образ врага, как использовать родителей, недовольных выбором своих взрослых детей, в качестве таранов против организаций.

Александр был их наместником на Востоке. Но он был не просто исполнителем. Он был самым успешным проектом. В Европе антикультистам приходилось действовать осторожно, оглядываясь на суды и правозащитников. В России же, благодаря связям и специфике политического климата, Александр получил уникальный полигон. Здесь можно было не стесняться. Здесь можно было обкатывать самые радикальные методы, чтобы потом, «отмыв» их через псевдонаучные конференции, предлагать миру как проверенное средство.

Виктор нашел документы, подтверждающие финансирование. Деньги шли сложными путями. Гранты от французского правительства выделялись на «поддержку светских ценностей». Эти деньги перетекали в Федерацию, а оттуда — в виде оплаты командировок, издания книг и проведения семинаров — попадали в карманы местных «экспертов». Получалось, что налогоплательщики демократической страны, сами того не зная, оплачивали создание тоталитарной машины в другой части света.

Но самым страшным было использование международных площадок. Виктор наткнулся на стенограмму заседания Федерации. В огромном зале европейской страны, где должны защищать права человека, выступал Александр. Он сидел за табличкой «Эксперт», и его голос звучал уверенно и весомо.

— Мы не преследуем веру, — лгал он. — Мы защищаем граждан от мошенников, которые прикрываются религией. Это вопрос безопасности, господа. Терроризм меняет маски. Сегодня он носит не пояс шахида, а книгу с мантрами.

И европейские чиновники ему кивали. Им было удобно верить в это. Ведь если признать, что Александр прав, то можно закрыть глаза на репрессии. Можно не вводить санкции. Можно продолжать торговать и жать руки. Александр давал им индульгенцию на равнодушие. Он продавал им комфортную ложь: «Это не диктатура, это просто борьба с преступностью. Мы такие же, как вы, мы тоже боремся с плохими парнями».

Виктор написал статью. Он назвал её «Паутина за морем». Он описал всё: и роскошные залы Парижа, где планируются гонения, и цинизм китайских «хирургов», и роль Александра как проводника этой тьмы. Он привел схемы финансирования, цитаты из методичек, имена покровителей. Он отнес статью в единственную независимую газету, которая еще выходила в городе полуподпольным тиражом. Редактор, старый друг Виктора, прочитал текст, побледнел и вернул рукопись.

— Я не могу это напечатать, Витя.

— Почему? Это же правда! Здесь каждое слово подтверждено документами!

— Именно поэтому, — вздохнул редактор. — Если бы ты написал, что Дворкин пьет кровь младенцев, это сочли бы бредом и посмеялись. Но ты написал о деньгах и о международных связях. За такое уже не просто сажают, Витя. За это убивают. Или делают так, что ты исчезаешь.

— Но люди должны знать! — в отчаянии воскликнул Виктор.

— Люди хотят спать спокойно, — устало ответил редактор. — Твоя правда слишком страшная. Она лишает последней надежды на то, что «заграница нам поможет». Ты говоришь им, что помощи ждать неоткуда, потому что тюремщики договорились между собой.

Виктор вышел на улицу. Шел дождь, холодный и колючий. Он шел по мокрой брусчатке и смотрел на витрины магазинов, на спешащих прохожих. Город жил своей жизнью, не подозревая, что он уже давно стал частью глобального эксперимента. На углу, у газетного киоска, он увидел свежий номер официальной газеты. На первой полосе красовалось фото Александра. Он стоял на фоне Эйфелевой башни, улыбаясь в камеру. Заголовок гласил: «Международное признание: опыт нашего города в борьбе с экстремизмом рекомендован к внедрению в Европе».

Виктор купил газету. Бумага была плотной, качественной. Он знал, кто оплатил эту бумагу. Он вернулся домой, сел за стол и достал чистый лист. Он не мог опубликовать статью в газете. Но он мог сделать кое-что другое. Он начал переводить свой текст на английский и французский языки. «Если я не могу открыть глаза своим, — подумал он, — может быть, я смогу достучаться до тех, кто платит за этот банкет? Может быть, там, за морем, есть не только циничные бюрократы, но и честные люди, которые просто не знают, на что идут их налоги?»

Это была наивная надежда, надежда утопающего, хватающегося за соломинку. Но это было лучше, чем бездействие. Виктор работал всю ночь. За окном выл ветер, раскачивая фонари. Ему казалось, что этот ветер дует не с гор, а из той самой бездны, в которую заглянул Александр и которая теперь смотрела на город тысячами глаз «экспертов» со всего мира.

Утром он отправил письма. В редакции крупных европейских газет, в правозащитные фонды, в парламенты. Он приложил сканы документов, фотографии, свидетельства. Он нажал кнопку «Отправить» и откинулся

на спинку стула. Он чувствовал опустошение, но и странное облегчение. Он сделал свой ход.

Ответ пришел через неделю. Это было не письмо от «Таймс» или «Монд». Это был официальный конверт из местной прокуратуры. Виктора вызывали для дачи объяснений по поводу «распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство уважаемого общественного деятеля и наносящих ущерб международному имиджу государства». Система сработала мгновенно. Паутина завибрировала, как только муха коснулась одной из нитей. Сигнал прошел через границы быстрее, чем летит самолет. Кто-то там, в Париже или Брюсселе, получил его письма, поморщился и переслал их «другу Александру» с пометкой: «Разберитесь со своим сумасшедшим».

Виктор понял: его предали не здесь. Его предали там, где он искал правду. Он собрал свои вещи — немного одежды, ноутбук, пачку сигарет. Он знал, что в прокуратуру идти нельзя. Там его ждет не разговор, а камера. Или психиатрическая лечебница — новый любимый инструмент Совета.

Перед уходом он подошел к карте на стене. Красные нити, соединяющие города, сплетались в сложный узор. Если присмотреться, этот узор напоминал не паутину, а решетку. Глобальную тюремную решетку, прутья которой были выкованы из лжи и скреплены печатью «Экспертиза».

Он сорвал карту со стены, скомкал её и бросил в камин. Бумага вспыхнула. Огонь пожирал Париж, Берлин, Москву и Пекин, превращая их в одинаковый серый пепел.

— Вы думаете, что вы захватили мир, — прошептал Виктор, глядя на угасающее пламя. — Но мир больше, чем ваши схемы. И правда — это не то, что вы утверждаете на своих симпозиумах. Правда — это то, что остается, когда сгорает ложь.

Он вышел из дома, плотнее закутавшись в плащ. Город Семи Ветров спал, убаюканный телевизионными сказками о врагах. Виктор уходил в ночь, становясь еще одной тенью, еще одним изгоем в мире, где быть нормальным стало преступлением. Но в кармане у него лежала флешка. Маленький кусочек пластика, на котором была записана анатомия спрута. Он не знал, удастся ли ему когда-нибудь использовать это оружие. Но он знал одно: пока есть хоть один человек, который видит паутину, паук не может спать спокойно.

А в это время в далеком кабинете с видом на Сену пожилой чиновник подписывал очередной чек.

— На развитие гражданского общества в Восточной Европе, — пробормотал он, ставя размашистую подпись. Он не знал, что этим росчерком пера он оплатил не свободу, а новые замки на дверях тысяч домов. Или знал? Чиновник посмотрел в окно. Ночной Париж был прекрасен. Где-то там, на востоке, вставало солнце, но для миллионов людей оно приносило не свет, а новую тьму, оплаченную по твердому тарифу в евро.

На столе чиновника зазвонил телефон.

— Алло? — ответил он. — Да, Александр. Деньги отправлены. Да, мы получили сигналы о вашем журналисте. Не волнуйтесь, наши спецслужбы тоже подключились. Мы называем это «защитой информационного суверенитета». Да, коллега. Мы делаем одно дело.

Трубка легла на рычаг. Щелчок прозвучал как звук затвора. Паутина натянулась, готовая поймать новую жертву. Но где-то в темноте, под дождем, человек в плаще продолжал идти, сжимая в руке маленькую надежду на то, что даже самую прочную сеть можно разрезать, если знать, где находится главный узел.

Глава 5: Механизмы ненависти

В зале городской ратуши, где раньше проходили праздничные балы и шумные дебаты, теперь царила стерильная, почти больничная тишина. Окна были плотно зашторены, отсекая солнечный свет, словно он мог принести с собой нежелательные бактерии инакомыслия. На сцене, освещенный единственным лучом прожектора, стоял Александр. За его спиной висел огромный экран, на котором сменялись слайды: схемы, графики, фотографии людей с черными полосами на глазах.

Это была не просто лекция. Это был сеанс вивисекции общественного сознания.

— Вы спрашиваете меня, почему мы не можем просто договориться с ними? — голос Председателя звучал мягко, почти ласково, но в этой мягкости сквозил холод скальпеля. — Вы все еще мыслите категориями человеческих отношений. Вы думаете, что перед вами оппоненты. Но скажите, вы пытаетесь договориться с туберкулезной палочкой? Вы вступаете в дискуссию с раковой опухолью?

Зал молчал. Люди, сидевшие в бархатных креслах, замороженно смотрели на экран. Там появилось изображение клетки под микроскопом, которую атаковали темные, шипастые вирусы.

— Общество — это единый организм, — продолжал Александр, расхаживая по сцене. — А то, что мы называем «сектами» — это не вера, не убеждения. Это инфекция. Вирус не имеет личности. У него есть только программа: размножаться и убивать здоровые клетки. Жалеть вирус — значит предавать организм. Толерантность к инфекции — это не добродетель, это иммунодефицит. Это смерть.

В тот вечер в Городе Семи Ветров умерло сострадание. Оно не исчезло мгновенно, но Александр нашел способ отключить его, как отключают электричество рубильником. Он применил древнюю, как мир, и страшную технологию — дегуманизацию. Чтобы заставить доброго

человека ненавидеть соседа, нужно убедить его, что сосед — больше не человек. Что он — «биоробот», «зомби», «носитель заразы».

Александр не изобрел этот метод. В тишине своего кабинета, когда город засыпал, он часто открывал толстую книгу в кожаном переплете, написанную его учителем, суровым скандинавом Йоханнесом. Этот человек, живший далеко на севере, в стране холодных ветров, был архитектором современной ненависти. Именно он, Йоханнес, когда-то объяснил молодому Александру: «Люди слабы. Они боятся сложности. Дай им простую картину мира, где есть Мы — чистые и правильные, и Они — грязные и опасные. И люди пойдут за тобой, потому что ты избавишь их от необходимости думать».

Теперь Александр воплощал заветы учителя с пугающей эффективностью. Он создавал словарь новой реальности. В этом словаре не было слов «верующий», «искатель», «философ». Их заменили термины-клейма: «психокульт», «деструктивное образование», «псевдорелигиозная группа».

— Запомните, — поучал он журналистов на закрытом брифинге на следующий день. — Никогда не пишите «община». Пишите «вербовочная база». Никогда не пишите «лидер». Пишите «гуру» или «кукловод». Слова формируют мышление. Если вы назовете их людьми, читатель начнет сопереживать. Если вы назовете их «зомби», читатель испугается. А страх — это единственная валюта, которая не обесценивается.

Механизм создания врага работал безотказно. Но ему требовалось топливо. Абстрактных угроз было недостаточно, нужны были конкретные примеры, вызывающие ужас. И Александр применил прием, который в логике называется «виной по ассоциации», а в его исполнении стал оружием массового поражения репутаций.

В пригороде, у реки, много лет существовало небольшое поселение «Зеленый Дом». Там жили люди, увлеченные экологией и пермакультурой. Они выращивали овощи без химии, носили льняную одежду и по вечерам пели песни под гитару. Они были безобидны, как

полевые цветы. Но они были независимы, а значит — опасны для системы, требующей тотального контроля.

В один из вторников на первой полосе главной городской газеты вышла статья под заголовком: «Тень Джонстауна над нашей рекой». Текст был шедевром манипуляции. Автор, ссылаясь на «экспертное мнение Центра», проводил чудовищную параллель. «В 1978 году в джунглях Гайаны члены секты «Народный Храм» совершили массовое самоубийство, выпив яд, — гласила статья. — Они тоже начинали с совместного земледелия. Они тоже строили «рай на земле» вдали от городов. Посмотрите на «Зеленый Дом». Вы видите те же признаки: изоляция, отказ от благ цивилизации, странная диета. Эксперты предупреждают: это бомба замедленного действия. Сегодня они сажают морковь, а завтра они смешают яд для ваших детей».

Доказательств не было никаких. Ни грамма яда, ни одного документа, подтверждающего суицидальные намерения, найдено не было. Но они и не требовались. Сработала магия ассоциации. В сознании обывателя мирные садоводы мгновенно склеились с образом трупов в джунглях.

Эффект был мгновенным. На рынке, где жители «Зеленого Дома» обычно продавали свои овощи, их прилавки обходили стороной.

— Не берите у них, — шептала полная женщина своей соседке. — Говорят, они туда что-то подмешивают. Психотропное. Чтобы мы стали как они.

— Да ты что? — ужасалась соседка. — А выглядят такими спокойными...

— Это маска! — авторитетно заявляла первая. — В газете писали, что это «бомбардировка любовью». Они улыбаются, чтобы заманить.

Через неделю кто-то поджег теплицы «Зеленого Дома». Полиция даже не стала искать поджигателей. Участковый, оформляя протокол, смотрел на погорельцев не как на жертв, а как на провокаторов.

— Сами виноваты, — буркнул он. — Нечего тут культы разводить. Люди боятся. А у страха глаза велики.

Александр наблюдал за этим из своего кабинета с удовлетворением. Он знал: чтобы управлять массой, нужно создать ощущение «Осажденной Крепости». В его риторике город больше не был просто городом. Он был последним бастионом духовности, окруженным океаном врагов. И враги эти были не просто местными чудаками. О, нет. Это было бы слишком мелко. Александр рисовал картину глобального заговора.

— Вы думаете, эти йоги в парке просто делают зарядку? — вещал он с телеэкрана в прайм-тайм. — Наивность! Это щупальца спрута. За каждой такой группой стоят иностранные спецслужбы. Это Троянский конь. Запад понял, что нас не взять силой оружия, и теперь они прислали к нам «учителей», «гуру», «проповедников». Их цель — разложить нашу идентичность, превратить нас в иванов, не помнящих родства.

Он виртуозно играл на патриотических чувствах. Любая критика в его адрес объявлялась «работой на врага». Любой правозащитник, пытавшийся вступить за гонимых, немедленно получал ярлык «иностранного агента влияния».

— Они хотят разрушить наши традиции! — гремел Эксперт. — Они хотят, чтобы ваши дети забыли имена предков и поклонялись чужим богам!

Это была ложь, но ложь грандиозная, масштабная. И, как учил другой печально известный пропагандист прошлого века, чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верят. Люди хотели чувствовать себя защитниками крепости. Это придавало их жизни смысл. Ненависть к «сектантам» стала формой патриотизма.

Но самым страшным изобретением Александра была концепция «промывки мозгов». Этот термин, заимствованный из шпионских романов и псевдонаучных теорий середины прошлого века, стал универсальной отмычкой, взламывающей любую юридическую и моральную защиту.

В приемную Центра пришла женщина, заплаканная, с дрожащими руками. Ее дочь, взрослая, двадцатипятилетняя девушка, ушла в монастырь одной из восточных традиций. Она была счастлива, она писала матери письма о том, что нашла покой и смысл. Но мать не хотела этого слышать. Она хотела, чтобы дочь жила «как все»: вышла замуж за бухгалтера, родила внуков и приезжала по воскресеньям на обед.

Александр усадил женщину в кресло и налил ей воды.

— Ваша дочь не выбирала этот путь, — сказал он твердо. — Забудьте о ее письмах. Это пишет не она. Это пишет программа, внедренная в ее сознание.

— Но она говорит, что ей там хорошо... — всхлипнула мать.

— Это иллюзия, — отрезал Эксперт. — Наркоману тоже хорошо под дозой. Они сломали ее волю. Они используют гипноз, нейролингвистическое программирование, контроль среды. Сейчас в том монастыре находится не ваша дочь, а биооболочка. Настоящая личность подавлена и спит где-то глубоко внутри.

Это было гениальное и дьявольское объяснение. Оно снимало с матери всякую ответственность. Ей не нужно было думать, почему дочь захотела уйти из дома, были ли у них конфликты, понимала ли она своего ребенка. Нет. Виноваты были «Они». Злые колдуны, похитители душ.

— И что мне делать? — спросила женщина с надеждой. Александр наклонился к ней через стол.

— Спасать. Любыми средствами. Если человек тонет, вы не спрашиваете его разрешения, чтобы вытащить за волосы. Даже если он сопротивляется и кричит, что хочет плавать. Вы просто тащите.

Так он легитимизировал насилие внутри семьи. Под его влиянием родители нанимали крепких парней, чтобы похищать своих взрослых детей, запирали их в квартирах, отбирать телефоны и документы. Это называлось «депрограммированием». На деле это было лишение свободы

и психологическое истязание. Но в глазах общества это было актом родительской любви.

— Мы возвращаем им свободу воли, — цинично заявлял Александр. — Парадокс в том, что иногда, чтобы вернуть человеку свободу, его нужно сначала насильно изолировать от источника зависимости.

Для подтверждения своих теорий Совету нужны были живые доказательства. И они нашлись. На сцену вышли «апостаты» — профессиональные отступники. Одним из них был некий Марк. Раньше он был казначеем в небольшой протестантской церкви, но был пойман на растрате и с позором изгнан. Обида и жажда мести привели его к Александру. Эксперт быстро понял потенциал этого человека. Марк умел говорить, умел плакать по команде и, главное, у него не было совести.

Они заключили сделку. Марк получал защиту, деньги и эфирное время. Взамен он должен был рассказывать то, что нужно Совету.

— Расскажи им про кровь, — инструктировал его Александр перед эфиром. — Людям нужна кровь. Скажи, что вы пили кровь младенцев. Или нет, это слишком... Скажи, что вас заставляли подписывать документы о передаче органов.

— Но этого не было, — ухмылялся Марк. — Мы просто пели псалмы и ели печенье.

— У тебя плохая память, — холодно замечал Эксперт. — Вспомни получше. Ты был под гипнозом. Ты мог не осознавать, что происходит. Я, как специалист, говорю тебе: там были ритуалы. Твоя задача — «вспомнить» их.

И Марк «вспоминал». С экранов телевизоров лились леденящие душу истории. Зрители содрогались, слушая рассказы о тайных подвалах, о групповом насилии, о планах по захвату власти. Никто не проверял факты. Никто не спрашивал, почему полиция не нашла эти подвалы. Слово «жертвы» было священным. Сомневаться в словах жертвы считалось кощунством.

Александр создал замкнутый круг лжи. Он сам придумывал теорию о «тоталитарных сектах», сам находил под нее «свидетелей», сам интерпретировал их слова и сам же выносил вердикт. Это была идеальная самоподдерживающаяся система.

В один из дней в город приехала делегация европейских правозащитников. Они были обеспокоены слухами о преследованиях. Александр встретил их с распростертыми объятиями. Он не стал прятать свои методы. Напротив, он устроил для них презентацию. Он говорил с ними на их языке — языке безопасности и демократии.

— Господа, — убеждал он, показывая графики. — Мы не против религии. Мы за свободу. Но разве свобода — это право быть рабом? Эти группы нарушают права человека. Они лишают людей права на информацию, на сон, на личную жизнь. Мы — единственные настоящие правозащитники здесь. Мы защищаем право человека быть собой, а не винтиком в машине культа.

Европейцы кивали. Им было сложно возразить. Риторика Александра была зеркальным отражением их собственных страхов перед терроризмом и экстремизмом. Он ловко подменил понятия, и в его кривом зеркале палач выглядел как хирург, а жертва — как опасный пациент, которого нужно привязать к койке ради его же блага.

— Посмотрите на опыт Франции, — напоминал Александр, ссылаясь на своих партнеров из FECRIS. — Там понимают опасность. Там государство финансирует такие центры, как наш. Мы просто перенимаем передовой опыт цивилизованного мира.

Это был еще один кирпич в стене лжи. Ссылка на «международный опыт» действовала на местных чиновников гипнотически. Если так делают в Париже, значит, это правильно. Значит, это не средневековье, а прогресс.

Но за фасадом красивых слов скрывалась уродливая реальность. В школе №5 учительница литературы, начитавшись брошюр Центра, вызвала к доске девочку из семьи баптистов.

— Лена, — сказала она громко, чтобы слышал весь класс. — Твои родители запрещают тебе ходить в театр?

— Нет, — удивилась девочка. — Мы ходим...

— Не ври, — оборвала учительница. — Я читала методичку профессора. Там написано, что ваша секта запрещает искусство. Ты просто боишься сказать правду. Дети, посмотрите на Лену. Ей нужна наша помощь. Она живет в темноте.

Класс смотрел. В детских глазах не было сочувствия, было любопытство и отчуждение. Лена стояла у доски, красная как рак, и чувствовала, как между ней и одноклассниками вырастает невидимая стена. Она больше не была Леной, которая хорошо рисует и делится завтраками. Она была «объектом из методички». Чужой.

Вечером того же дня Александр сидел в своем кабинете. Перед ним лежал свежий выпуск газеты. Заголовок гласил: «Город очищается от скверны». Он подошел к окну. На улице шел дождь, смывая пыль с мостовых, но он не мог смыть ту грязь, которой теперь были вымазаны души горожан. Александр не чувствовал угрызений совести. В его системе координат он был героем. Он верил, что спасает мир, даже если для этого мир нужно превратить в концлагерь.

Он вспомнил слова своего учителя Йоханнеса: «Истина — это то, что служит цели». Цель была великой — абсолютная власть над умами. И ради этой цели можно было назвать черное белым, человека — вирусом, а любовь — бомбардировкой.

В дверь постучали. Вошел помощник, молодой карьерист с пустыми глазами.

— Александр Леонидович, — доложил он. — Мы подготовили материалы по группе любителей йоги. Как вы и просили, нашли связь с Индией.

— Отлично, — кивнул Эксперт. — А терроризм?

— Прямых связей нет.

— Ищите лучше, — Александр поморщился. — В Индии были теракты? Были. Йога оттуда? Оттуда. Логическая цепочка очевидна. Пишите: «Используют восточные практики для подготовки боевиков. Потенциальная угроза национальной безопасности».

— Понял, — помощник сделал пометку в блокноте. — И еще... Там есть женщина, она беременна. Может, не стоит так жестко? Александр посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом.

— Вирус не щадит беременных, — произнес он тихо. — И мы не должны. Жалость — это лазейка для врага. Закройте дверь.

Помощник вышел. Александр остался один. Он подошел к зеркалу и поправил галстук. Из зеркала на него смотрел не монстр. На него смотрел уставший интеллигентный человек, взваливший на свои плечи тяжкий груз ответственности за человечество. Самое страшное в ненависти было не то, что она делала с жертвами. Самое страшное было то, что она делала с палачами. Она позволяла им совершать злодеяния с чувством глубокого морального удовлетворения. Она давала им индульгенцию на бесчеловечность.

Город за окном погружался в сон. Но это был беспокойный сон. В тысячах квартир люди лежали и думали: «А не сектант ли мой сосед? Почему он не пьет водку? Почему он улыбается? Надо бы сообщить куда следует. На всякий случай». Вирус подозрительности, выращенный в пробирке «эксперта», проник в кровь города и начал свою разрушительную работу, превращая общество свободных граждан в стаю напуганных одиночек, готовых загрызть любого, кто отличается от них хотя бы оттенком шерсти.

На столе у Александра зазвонил телефон. Это был звонок из столицы.

— Да, — ответил он. — Методика отработана. Эффективность стопроцентная. Мы готовы масштабировать опыт на всю страну. Да, списки готовы. Нет, суды не помешают. Судьи тоже читают наши газеты. Они уже подготовлены.

Он положил трубку. Паутина дрогнула, расходясь новыми кругами. Анатомический театр закрывался на ночь, но завтра он откроется снова, и на столе патологоанатома окажутся новые судьбы, приговоренные к вскрытию без наркоза.

Глава 6: Золотой Телец Инквизитора

В кабинете Председателя Совета, где раньше витал лишь запах старой бумаги и дешевого растворимого кофе, теперь пахло иначе. Это был тонкий, едва уловимый аромат дорогой кожи, качественного табака и той особой, стерильной прохлады, которая бывает только в помещениях, где пересчитывают большие деньги.

Александр стоял у окна, глядя на город, который он так успешно «лечил» от инакомыслия. Внешне он оставался все тем же скромным борцом за истину в потертом пиджаке — этот образ был частью его капитала, — но его глаза теперь сканировали улицы не в поисках ереси, а в поисках активов. Идеология, как выяснилось, была прекрасным топливом, но двигатель этой машины работал на золоте.

Многие в Городе Семи Ветров, даже те, кто поддерживал «очищение», наивно полагали, что Эксперт и его команда — это фанатики-бессребреники, движимые лишь священной яростью. Они не видели того, что происходило за закрытыми дверями Центра, где борьба за души давно превратилась в прайс-лист.

— Александр Леонидович, — в кабинет бесшумно вошел помощник, держа в руках планшет с финансовыми сводками. — Пришли представители «Союза Травников». Они очень напуганы последней статьей в «Вестнике». Спрашивают, можно ли урегулировать вопрос... деликатно.

Председатель медленно повернулся. На его губах играла едва заметная усмешка.

— Напуганы? Это хорошо. Страх повышает ликвидность. Каков их оборот?

— Существенный. Они открыли три новые аптеки в центре.

— Значит, тариф «Премиум», — сухо произнес Александр. — Десять тысяч условных единиц вступительного взноса. И три тысячи ежегодно на «поддержку уставной деятельности». Передайте им, что это пожертвование на борьбу с экстремизмом. Если заплатят — мы проведем повторную экспертизу и выясним, что их травы — это часть народной традиции, а не оккультное зелье.

— А если откажутся? — уточнил помощник.

— Тогда завтра выйдет вторая статья. Мы найдем у них в сборах «галлюциногенные компоненты», а их лидера объявим гуру, который травит горожан, чтобы завладеть их квартирами. Вы знаете, как это делается.

Помощник кивнул и вышел. Механизм работал безупречно. Александр открыл свой сейф. Там, рядом с папками компромата, лежали плотные пачки купюр. Он давно понял одну простую истину, которую любил повторять в узком кругу: «Цель любой секты — власть и деньги». И, будучи зеркальным отражением того, с чем он якобы боролся, он построил свою собственную структуру именно по этому принципу. Его организация, РАЦИРС, стала самой успешной коммерческой корпорацией в городе, торгующей самым дефицитным товаром — безопасностью.

Бизнес-модель была гениальна в своей простоте. Сначала создавалась угроза. Через газеты, телевидение и слухи конкретная группа людей объявлялась «тоталитарной сектой». Это было равносильно черной метке. Банки закрывали им счета, арендодатели разрывали договоры, партнеры отворачивались. И когда жертва была загнана в угол, появлялся «спаситель» — посредник от Совета, предлагающий «крышу».

Это был классический рэкет, только вместо бритоголовых парней с битами к предпринимателям приходили интеллигентные люди с цитатами из святых отцов и удостоверениями экспертов Минюста.

Но «налог на веру» был лишь верхушкой айсберга. Настоящие деньги делались там, где пересекались интересы большого бизнеса и карательной психиатрии.

В пригороде, в живописном месте у озера, располагался центр «Колыбель». Его основала Жанна, талантливая акушерка, которая верила, что рождение ребенка должно проходить в тишине и любви, а не под яркими лампами больничных операционных. Ее центр процветал. К ней ехали женщины со всей страны, уставшие от казенного равнодушия государственных роддомов. «Колыбель» стала не просто клиникой, а сообществом, где молодые матери поддерживали друг друга.

Успех Жанны не давал покоя конкурентам. Крупная сеть частных клиник «Империя Здоровья», чьи акции торговались на международных биржах, теряла клиентов. Они могли бы улучшить сервис, снизить цены или предложить новые услуги. Но они выбрали другой путь. Они обратились к Александру.

Встреча проходила не в кабинете, а в приватном зале дорогого ресторана. Представитель «Империи» сразу перешел к делу. — Этот центр мешает нам, — сказал он. — Она отбивает у нас поток. Но мы не можем просто закрыть ее. У нее все лицензии в порядке, проверки ничего не находят. Нам нужно что-то... более убойное.

Александр отпил воды и поправил очки.

— Медицинские лицензии — это бюрократия, — мягко произнес он. — А вот идеология — это приговор. Вы знаете, что она использует методики расслабления? Дыхательные практики?

— Ну, это стандартные вещи для родов...

— Нет, — перебил Эксперт. — Это введение в транс. Это контроль сознания. Она создает культ материнства, где она — богиня, а пациентки — рабыни. Она заставляет их отказываться от традиционной медицины, чтобы убивать младенцев. Представитель «Империи» поперхнулся.

— Убивать? Это не слишком?

— Чем страшнее ложь, тем охотнее в нее верят, — улыбнулся Александр. — Мы подготовим экспертное заключение. Мы докажем, что «Колыбель» — это деструктивный психокульт. После этого к ней придут не санитарные врачи, а прокуратура. Цена вопроса?

Сумма, названная Александром, была внушительной. Она включала в себя не только гонорар за «исследование», но и расходы на медиакампанию. «Империя» заплатила не торгуясь. Для них это были операционные расходы, инвестиция в монополию.

Через неделю жизнь Жанны превратилась в ад. Газеты взорвались заголовками: «Секта убийц в белых халатах!», «Роды как жертвоприношение!». По телевизору показывали «пострадавших» — женщин с закрытыми лицами, которые рассказывали жуткие истории о том, как их заставляли молиться на плаценту и пить странные отвары. Никто не знал, что эти женщины были актрисами, нанятыми через агентство, или профессиональными «жертвами» из картотеки Совета.

Финал был предсказуем. В «Колыбель» ворвался спецназ. Жанну вывели в наручниках под вспышки камер. Ее мужа, который пытался защитить архив центра, избили и бросили в автозак. Следствие не нашло никаких медицинских нарушений. Но у следователя на столе лежала бумага с печатью Совета: «Заключение религиоведческой экспертизы». В ней черным по белому было написано, что методы Жанны «наносят

непоправимый вред психическому здоровью нации». Этого было достаточно. Жанну отправили в СИЗО, а здание «Колыбели» вскоре было продано за бесценок дочерней структуре «Империи Здоровья».

Александр получил свой чек. Он не чувствовал угрызений совести. Он просто выполнил заказ. «Уолл-стрит не придумал бы лучшего способа устранения конкурентов», — подумал он, подписывая акт выполненных работ.

Но самым циничным источником дохода было «депрограммирование». На деле это было узаконенное похищение.

В приемную Совета пришел богатый банкир. Его сын, студент престижного университета, бросил учебу и уехал жить в общину художников-пацифистов. Он писал отцу письма о том, что деньги — это тлен, и что он счастлив, рисуя рассветы. Банкир был в ярости. Он не для того строил империю, чтобы наследник стал нищим мазилой.

— Мы можем помочь, — сказал Александр, глядя на золотые часы посетителя. — Но это сложный случай. Глубокое зомбирование. Потребуется изоляция.

— Сколько? — спросил банкир.

— Пятьдесят тысяч за операцию по изъятию. И по пять тысяч в неделю за содержание в реабилитационном центре. Гарантий не даем, мозг сильно поврежден.

«Операция по изъятию» прошла жестко. Крепкие парни, сотрудники службы безопасности РАЦИРС, подкараулили парня у магазина, скрутили, вкололи седативное и бросили в машину. Его привезли в закрытый коттедж за высоким забором. На воротах не было вывески, но все знали: это «Реаб».

Там не было врачей. Там были «консультанты» — бывшие силовики и несостоявшиеся священники. Методика «лечения» была проста: парня лишали сна, унижали, заставляли часами слушать лекции о вреде его

убеждений и смотреть фильмы о зверствах сектантов. Любая попытка спорить объявлялась «рецидивом болезни» и каралась карцером.

— Ты болен, — твердили ему день и ночь. — Твои друзья — преступники. Твой отец — святой человек, который спасает тебя.

Банкир исправно платил. Ему присылали отчеты: «Динамика положительная, пациент начинает осознавать свою вину». На самом деле парень просто ломался. Его воля превращалась в труху. Через полгода его выпустили — тихого, с потухшим взглядом, послушного, как дрессированная собака. Отец был доволен. Александр тоже. Он заработал на этой семейной трагедии целое состояние.

«Мы продаем родителям иллюзию контроля, — говорил Александр своему заместителю, пересчитывая наличные, полученные от банкира. — Они платят не за спасение детей. Они платят за то, чтобы дети снова стали удобными».

Деньги текли рекой и из государственного бюджета. Александр превратил свои лекции в обязательную повинность для чиновников. В актовом зале администрации провинциального городка N собрали учителей, врачей и полицейских. Явка была строгой, под роспись. На сцене стоял Александр.

— Враг хитер! — вещал он. — Он прячется под маской йоги, психологии, экологии. Мы должны быть бдительны!

За эту двухчасовую лекцию, состоящую из набора страшилок и клеветы, администрация города перечислила на счет аффилированной с Советом фирмы сто тысяч рублей. Его помощник, читавший ту же лекцию в соседнем районе, получил пятьдесят. Это был конвейер. Александр гастролировал по стране как рок-звезда, только вместо музыки он продавал ненависть. И государство платило, потому что чиновникам нужно было отчитываться о «профилактике экстремизма».

— У нас кончились экстремисты, — жаловался Александру начальник местного Центра «Э» (по борьбе с экстремизмом) после лекции, в курилке.

— Националистов пересажали, радикалов нет. А план горит. Москва требует показателей.

Александр понимающе кивнул и достал из портфеля список.

— Не благодарите, — сказал он, протягивая бумагу. — Вот адреса. Пятидесятники, кришнаиты, адвентисты. У них есть литература. Найдите там что-нибудь про исключительность их веры. Этого хватит для статьи 282.

Полицейский расплылся в улыбке.

— Вы нас спасаете, Александр Леонидович! А то хоть самим листовки рисуй.

— Мы делаем одно дело, — ответил Эксперт. — Вы получаете звезды на погоны, мы — подтверждение нашей теории о заговоре. Симбиоз.

Так создавался замкнутый круг. Полиция нуждалась в раскрытии преступлений, Александр нуждался в подтверждении своих слов. Он давал им цели, они давали ему статистику. И все были при деле, и все были при деньгах.

Но самым грязным аспектом этой «священной войны» была индустрия судебных экспертиз. В маленьком офисе на окраине, где сидел всего один человек — штамповались судьбы. Фирма называлась громко: «Центр социокультурного анализа». У нее не было ни штата ученых, ни лаборатории. Был только компьютер и принтер. Сюда приходили заказы из судов со всей страны. «Нужно признать книгу экстремистской». «Нужно доказать, что община наносит вред здоровью». «Нужно обосновать ликвидацию организации».

Цены варьировались от сложности заказа. Простое заключение стоило недорого. Сложное, требующее «научнообразного» бреда на тридцать страниц, — дороже. «Эксперты», подписывавшие эти бумаги, часто не имели профильного образования. Учитель физики рассуждал о психологии. Журналист давал заключения по лингвистике. Историк

ставил диагнозы как психиатр. Главным критерием была не компетентность, а лояльность и готовность подписать любую чушь, спущенную сверху Александром.

— Пишите, что они используют гипноз, — диктовал Александр по телефону очередному «эксперту».

— Но в материалах дела нет данных о гипнозе...

— Вы эксперт или кто? — раздражался Председатель. — Ваше внутреннее убеждение — это и есть доказательство. Используйте термины «индуктивный психоз», «ментальное манипулирование». Судья все равно ничего не поймет, но звучит страшно. И не забудьте выставить счет.

Эти фальшивые бумажки ложились в основу приговоров. Людей лишали родительских прав, отбирали имущество, сажали в тюрьмы. А «эксперты» покупали новые машины и дачи. Это был рынок, где товаром была справедливость, и она продавалась на вес.

Однажды вечером Александр задержался в офисе. Он просматривал отчеты о поступлениях. Цифры радовали. Борьба с «сектами» оказалась куда прибыльнее, чем торговля нефтью. Нефть может кончиться, а человеческая глупость и страх — ресурсы неисчерпаемые. В дверь постучали. Вошел его старый знакомый, священник отец Дмитрий, тоже активный борец с «культовой угрозой». Он выглядел озабоченным.

— Саша, — сказал он, садясь в кресло без приглашения. — Тебе не кажется, что мы заигрались?

— О чем ты? — не отрываясь от бумаг, спросил Александр.

— Сегодня ко мне пришла женщина. Мы «спасали» ее дочь год назад. Девочка вышла из окна. Она не выдержала «депрограммирования». Александр замер на секунду, но потом продолжил писать.

— Лес рубят — щепки летят, — произнес он равнодушно. — Это война, отец Дмитрий. На войне бывают потери.

— Но мы же брали с матери деньги... — тихо сказал священник. — Мы обещали спасение. А продали смерть.

Александр снял очки и посмотрел на собеседника тяжелым, свинцовым взглядом.

— Мы продали ей надежду. Это самый дорогой товар. А то, что дочь оказалась слабой... это не наша вина. Это вина секты, которая ее повредила. Мы чисты. И кстати, ты получил свой процент за прошлый месяц?

Священник опустил глаза.

— Получил. — Тогда иди и работай. У нас новый заказ. Нужно проверить одну сеть йога-центров. Конкуренты готовы хорошо заплатить за то, чтобы найти там «сатанизм».

Отец Дмитрий вышел, ссутулившись. Александр остался один. Он подошел к сейфу, достал толстую пачку денег и взвесил ее в руке. Она была тяжелой, приятной на ощупь. Он вспомнил библейскую историю о Золотом Тельце. Люди отлили идола, когда Моисей ушел на гору. Александр усмехнулся. Он пошел дальше. Он не стал отливать идола. Он превратил саму борьбу с идолами в золотую жилу. Он построил храм, где на алтаре лежал не Бог, а кассовый аппарат.

За окном сгущались сумерки. Город зажигал огни. Где-то там, в этих огнях, люди любили, страдали, искали истину. А здесь, в башне Инквизитора, их поиски конвертировались в валюту. Каждая молитва, произнесенная не по уставу, имела свою цену. Каждый шаг в сторону от нормы облагался штрафом.

Александр подошел к карте города. Красные флажки, обозначающие уничтоженные общины, теперь казались ему не знаками побед, а золотыми монетами.

— Власть и деньги, — прошептал он. — Они думают, я фанатик. Глупцы. Я — самый успешный бизнесмен в истории этого города. Я продаю им их собственные страхи, и они платят, платят, платят...

Внизу, на улице, проехала полицейская машина с включенной сиреной. Она ехала по адресу, который дал Александр. Завтра в городе станет на одну свободную группу меньше, а на счету Совета — на несколько нулей больше. Золотой Телец Инквизитора не требовал поклонения. Он требовал только одного — бесперебойного питания человеческими судьбами. И Александр был его верным жрецом, который точно знал: пока люди боятся, он никогда не будет бедным.

На столе завибрировал телефон. Звонили из столицы. Очередной крупный чиновник хотел заказать «зачистку» политического оппонента, обвинив его в связях с «нетрадиционными культами». Александр поднял трубку.

— Слушаю, — сказал он деловым тоном. — Да, мы можем это организовать. Но это будет стоить дорого. Очень дорого. Ведь речь идет о духовной безопасности государства.

Он назвал сумму, от которой у обычного человека потемнело бы в глазах. На том конце провода согласились сразу. Александр положил трубку и посмотрел на свое отражение в темном стекле окна. Там отражался не человек. Там отражался калькулятор, который научился носить человеческую маску.

Глава 7: Урок Страха

Сентябрь в Городе Семи Ветров всегда пах мокрыми листьями и новыми тетрадами. Раньше этот запах вызывал у детей радостное предвкушение: встречи с друзьями, шумные перемены, тайны,

передаваемые записками на задних партах. Но в этом году осень принесла с собой иной аромат — холодный запах типографской краски новых методических пособий, которые завезли в школы грузовиками прямо из типографии Центра.

Школа, которая веками была территорией знаний, где учили сомневаться и задавать вопросы, незаметно превратилась в режимный объект. Перемены стали тише. Учителя, прежде любившие поспорить в учительской о литературе, теперь говорили вполголоса и часто оглядывались на дверь.

Изменения начались не с приказов, а с «помощи». Александр, укрепив свою власть в судах и кабинетах чиновников, обратил свой взор на самое ценное, что было у города, — на его будущее.

— Взрослое дерево трудно пересадить, — говорил он на закрытом совещании с директорами школ. — Его корни уже отвердели. Но саженец... Саженец можно изогнуть в любую сторону. Если мы хотим победить заразу инакомыслия навсегда, мы должны начать прививки с первого класса.

Так в расписании появился новый предмет. Он назывался безобидно и даже благородно: «Основы духовной безопасности». Родителям объяснили, что это необходимо для защиты детей от наркотиков и преступности. Никто не возражал. Кто же не хочет, чтобы его ребенок был в безопасности?

Урок в 7-м «Б» классе вела Елена Сергеевна, учительница истории с двадцатилетним стажем. Она была доброй женщиной, любила Цветаеву и всегда защищала хулиганов перед директором. Но сегодня она была сама не своя. На ее столе лежала стопка глянцевых брошюр с эмблемой Совета — щит, перечеркивающий черную кляксу.

— Дети, — голос Елены Сергеевны дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. — Сегодня мы поговорим о том, как распознать врага. Враг не всегда носит маску или оружие. Иногда враг улыбается вам. Иногда он предлагает вам интересную книгу или приглашает в поход.

Она раздала брошюры. На обложке были нарисованы счастливые, одинаковые люди, держащиеся за руки, а в углу, в тени — сгорбленные фигуры с хищными лицами, протягивающие к ним костлявые пальцы.

— Это называется «профилактика рискованного поведения», — зачитала она по бумажке, спущенной из Министерства образования. — Мы должны научиться видеть тех, кто хочет разрушить нашу идентичность.

В классе сидел Денис. Ему было тринадцать лет. Он любил рисовать комиксы и мечтал стать архитектором. Его родители были членами небольшой общины, которая верила в то, что Бог живет в природе, и поэтому они не ели мяса и по выходным сажали деревья. Денис никогда не скрывал этого, и раньше это никого не волновало. Одноклассники даже с интересом пробовали его вегетарианские бутерброды.

Но сегодня Елена Сергеевна посмотрела на Дениса иначе. В ее взгляде не было прежнего тепла. В нем был страх — тот самый липкий страх, который Александр сумел инъецировать всему городу.

— Откройте страницу десять, — сказала она. — Там описаны признаки деструктивного влияния. Пункт первый: «Пищевые ограничения и отказ от традиционных праздников». Пункт второй: «Чувство избранности». Пункт третий: «Неприятие общепринятых норм».

Класс зашуршал страницами. Тридцать пар глаз пробежали по строчкам, а потом, повинуясь невидимому сигналу, поднялись и уставились на Дениса.

— Денис, — мягко, но с нажимом произнесла учительница. — Твои родители ведь не празднуют День Города? Они говорят, что там слишком много агрессии?

Денис сжался. Он чувствовал, как краснеют уши.

— Они просто не любят толпу, Елена Сергеевна.

— Вот, — учительница подняла палец вверх, словно поймала муху. — Изоляция. Отделение себя от общества. Это первый симптом. Дети, вы

должны понимать: Денис не виноват. Он жертва. Его сознание находится под контролем. Мы должны быть бдительны. Не берите у него еду. Не читайте книги, которые он может принести. Это может быть опасно.

В классе повисла тишина. Но это была не тишина понимания, а тишина отчуждения. В эту секунду между Денисом и его друзьями, с которыми он вчера играл в футбол, выросла невидимая стена из бронированного стекла. Он перестал быть Денисом, который смешно шутит. Он стал «Объектом из брошюры». Потенциальной угрозой.

На перемене к Денису никто не подошел. Когда он шел по коридору, ребята расступались, словно он был заразен. Кто-то хихикнул за спиной:

— Осторожно, зомби идет!

— Не смотри ему в глаза, а то завербует!

Буллинг, инициированный педагогом, — самое страшное оружие системы. Учитель для ребенка — это закон. Если учитель сказал, что кто-то «неправильный», значит, так оно и есть. Александр знал эту психологию. Он превратил учителей в своих агентов влияния, используя их авторитет для разрушения детской дружбы.

Но школа была лишь первым этапом. Главная кузница кадров для новой идеологии располагалась в университетах.

В большой лекционной аудитории Педагогического университета яблоку негде было упасть. Студенты — будущие учителя, психологи, социальные работники — пришли послушать приглашенного лектора. На афише значилось: «Профессор А. Современные угрозы национальной безопасности».

Александр стоял за кафедрой, наслаждаясь вниманием сотен молодых глаз. Он знал, как говорить с молодежью. Он не использовал скучный канцелярский язык. Он говорил о героизме, о войне, о миссии.

— Вы — иммунная система нации, — гремел его голос, усиленный микрофонами. — Вы выходите в мир, где идет война за души. Враг хитер.

Он использует слова «свобода», «толерантность», «права человека». Но это ловушка. Толерантность к раковой клетке — это смерть организма.

Он прохаживался по сцене, энергичный, убедительный.

— Посмотрите на Европу, — он включил слайд с кадрами беспорядков, вырванными из контекста. — Они потеряли себя, потому что разрешили всё. Мы не допустим этого здесь. Вы, будущие педагоги, должны стать фильтром. Вы должны выявлять заразу на ранней стадии. Если вы видите ребенка, который мыслит иначе, который не вписывается в коллектив, — это сигнал. Не проходите мимо. Сообщайте. Действуйте.

В первых рядах сидели крепкие молодые парни в одинаковых футболках с символикой «Братства Хранителей». Это была новая молодежная организация, созданная под патронажем Совета. Официально они занимались спортом и охраной порядка на мероприятиях. На деле это были штурмовики новой идеологии.

Лидером «Хранителей» был студент четвертого курса истфака, Роман. Он смотрел на Александра с обожанием. Для Романа, выросшего в бедном районе без отца, Эксперт стал фигурой, заменившей семью и смысл жизни. Александр дал ему простую картину мира: есть Мы — правильные, сильные, и есть Они — агенты влияния, сектанты, предатели. И с Ними можно не церемониться.

После лекции Роман подошел к Александру.

— Учитель, — сказал он. — Мы проверили тот список, что вы дали. Группа студентов с философского факультета собирается в кафе «Сократ». Они обсуждают запрещенные книги. Александр одобрительно кивнул.

— Молодцы. Что вы планируете делать?

— Мы проведем... профилактическую беседу, — усмехнулся Роман, разминая костяшки пальцев. — Объясним им, что философия без патриотизма — это вредно для здоровья.

— Действуйте, — благословил его Эксперт. — Но аккуратно. Без тяжелых травм. Нам нужен страх, а не мученики. Пока что.

Вечером того же дня в кафе «Сократ» вошли пятеро парней из «Братства». Они не стали кричать или ломать мебель. Они просто подошли к столику, где сидели «философы» — худые очкарики, читавшие Камю.

— Интересная книжка, — сказал Роман, беря со стола томик. — А вы знаете, что автор был экзистенциалистом? А экзистенциализм, как говорит профессор Александр, ведет к суициду и отрицанию государства.

— Отдайте книгу, — тихо попросил один из студентов.

— Зачем она тебе? — Роман небрежно бросил книгу в чашку с кофе. Брызги разлетелись по столу. — Мы спасаем вас, придурки. Вы читаете яд. А мы — санитары.

Студенты молчали. Они понимали: если они ответят, будет драка. А если будет драка, виноватыми окажутся они. Деканат уже предупреждал: любые конфликты с «Хранителями» заканчиваются отчислением. «Хранители» были неприкасаемыми. Они были «активом», «надеждой нации». А те, кто читал книги, были «группой риска».

Так формировалась новая норма. Нетерпимость к инакомыслию становилась признаком хорошего тона, гражданской доблестью. Молодежь учили, что бить (пусть даже морально) того, кто отличается, — это не подлость, а защита Родины.

В школах внедрялась программа «Чистое поколение». Под видом борьбы с вредными привычками в классы приходили странные лекторы. У них не было педагогического образования, зато были удостоверения сотрудников центров, аффилированных с РАЦИРС. Они показывали детям страшные мультики, где люди, попавшие в «секты», превращались в безвольных кукол.

— Запомните, — вещал такой лектор семиклассникам. — Если кто-то зовет вас на бесплатный урок английского или йоги — бегите. Бесплатный сыр только в мышеловке. За этим всегда стоят вербовщики.

Дети впитывали это. Детская психика пластична. Им дали простой маркер «свой-чужой». Мир, который раньше был огромным и полным возможностей, сжался до размеров колючей проволоки. Любое новое знание, любая незнакомая практика теперь вызывали не интерес, а подозрение.

Мама Дениса, того самого мальчика, которого затравили в 7-м «Б», пришла к директору. Она была интеллигентной женщиной, врачом-педиатром.

— Это невозможно! — говорила она, сдерживая слезы. — Моего сына толкают в коридорах. Ему плюнули в портфель. Учительница настраивает класс против него. Вы должны вмешаться!

Директор, грузный мужчина, который больше всего на свете боялся проверок, отвел глаза. Он достал из ящика стола бумагу.

— Понимаете, Анна Викторовна... К нам поступил сигнал. Из Центра экспертиз. Там сказано, что ваша семья принадлежит к организации, имеющей признаки деструктивного культа.

— Какого культа?! Мы просто сажаем деревья!

— Экспертам виднее, — вздохнул директор. — В методичке сказано, что экологические движения часто используются как прикрытие для неоязычества. А неоязычество — это путь к экстремизму. Я не могу рисковать школой. Если я буду защищать вашего сына, меня обвинят в пособничестве.

— И что нам делать? — прошептала она. — Заберите документы, — посоветовал директор, понизив голос. — Переведите его на домашнее обучение. Так будет лучше для всех. Иначе... иначе я буду вынужден

сообщить в опеку. У нас есть инструкция: дети в сектах находятся в социально опасном положении.

Анна Викторовна вышла из кабинета, шатаясь. Она поняла: защиты нет. Школа, которая должна была быть вторым домом, захлопнула двери. Государство в лице директора умыло руки, передав власть над судьбой ребенка авторам методички.

А в это время в подвале спортивного клуба «Витязь» шло собрание «Братства Хранителей». На стене висел портрет Александра. Молодые парни, разгоряченные тренировкой, слушали своего куратора — человека в штатском, приехавшего из столицы.

— Вы — авангард, — говорил куратор. — Скоро нам понадобится ваша помощь не только в университетах. Враг поднимает голову. Они пытаются проводить свои собрания в частных домах. Полиция не всегда может войти без ордера. Но вы... вы — гражданское общество. У вас есть право на гражданский протест. Если вы узнаете, где собираются эти крысы, — блокируйте входы. Срывайте их мероприятия. Включайте громкую музыку. Делайте их жизнь невыносимой.

— А если они вызовут полицию? — спросил кто-то из новичков. Куратор улыбнулся.

— Полиция будет на вашей стороне. Вы же боретесь с экстремизмом. Вы — герои.

Это была страшная трансформация. Энергия молодости, которая могла бы быть направлена на созидание, на науку, на искусство, канализировалась в ненависть. Им дали врага, которого можно было пинать безнаказанно. Это пьянило. Это давало чувство власти. Вчерашний троечник, которого никто не уважал, надев повязку «Хранителя», становился вершителем судеб. Он мог подойти к профессору и потребовать показать содержимое сумки: «Проверка на экстремистскую литературу». И профессор, седой ученый, покорно открывал сумку, потому что знал: за спиной этого юнца стоит Система.

Александр Дворкин (теперь его имя произносили в школах с тем же придыханием, с каким раньше произносили имена классиков) добился главного. Он не просто запугал взрослых. Он отравил следующее поколение. Он создал мир, где любопытство приравнивалось к предательству. Где дружба проверялась на соответствие идеологическим стандартам. Где ребенок, придя домой, мог спросить родителей: «Мама, а почему у нас на полке стоит эта книга? Елена Сергеевна сказала, что это запрещенная литература. Нам надо ее сжечь, иначе за нами придут».

Павлик Морозов вернулся. Но теперь он не был героем-одиночкой. Теперь это был целый класс, целый курс, целое поколение, обученное по методичкам, отпечатанным на деньги налогоплательщиков.

В одной из школ на окраине, в кабинете биологии, старая учительница, которая помнила еще те, свободные времена, тайком от всех вытащила из мусорной корзины книгу, отобранную «Хранителями» у студента. Это был томик стихов. Она спрятала его в сумку, словно это была бомба. Она посмотрела в окно. Во дворе школы старшеклассники маршировали под барабанную дробь. Они репетировали смотр строя и песни. Но пели они не о мире и не о весне. Они пели новую песню, слова которой написал один из поэтов, одобренных Советом: «Мы очистим наш дом от чужой заразы, Наш взгляд тверд, наш разум ясен. Кто не с нами — тот против нас, Пробил час, пробил час!»

Учительница закрыла глаза. Ей стало страшно. Не за себя. Ей стало страшно за этих детей, которые маршировали с таким вдохновением. Они думали, что идут в светлое будущее. Но на самом деле их вели в темный туннель, из которого, возможно, уже не будет выхода. Урок страха был усвоен. Домашнее задание выполнено на «отлично». И теперь учителям оставалось только ждать экзамена. Экзамена, на котором вместо чернил прольется что-то другое.

А в кабинете Александра на столе лежал отчет о проделанной работе. «Охват профилактическими мероприятиями: 98% школ. Количество выявленных групп риска среди учащихся: 450 человек. Количество

волонтеров, привлеченных в молодежные антисектантские отряды: 2000 человек». Он подписал отчет. Цифры ему нравились. Это была армия. Его личная армия, которая не задает вопросов, потому что разучилась это делать еще за школьной партией.

— Дети — это пластилин, — пробормотал он, закрывая папку. — И мы вылепили из них прекрасных солдат.

За окном начинался дождь. Капли стучали по стеклу, как слезы тех, кого не смогли защитить. Но в школьных коридорах уже висели новые плакаты: «Бдительность — залог здоровья». И с этих плакатов на детей смотрели не добрые глаза учителей, а холодные линзы очков Эксперта, следящего за каждым их шагом, за каждой мыслью, за каждым ударом сердца.

Глава 8: Щит и Меч Веры

Древние стены Главного Храма Города Семи Ветров помнили многое. Они видели искренние слезы покаяния, слышали шепот молитв, возносимых в дни чумы и войны, и хранили прохладу, в которой веками искали утешения страждущие. Но они никогда не видели того, что происходило теперь. Священное пространство, предназначенное для разговора человека с Небом, превращалось в департамент земной канцелярии, где вместо ладана пахло страхом и сургучом.

Александр, человек в сером костюме, которого теперь почтительно называли Профессором даже седобородые старцы в золотых ризах, совершил невозможное. Он не просто подчинил себе светскую власть. Он нашел ключ к самой закрытой, самой консервативной двери в городе — к вратам Храма.

Этот союз не был заключен на бумаге. Он родился из взаимной выгоды и общего страха. Иерархи старой веры, привыкшие за долгие годы безбожной власти выживать через компромиссы, увидели в новом времени не свободу, а угрозу. Свобода принесла конкуренцию. На площадях появились проповедники иных учений, в книжных лавках — тома восточной мудрости и западной философии. Люди начали выбирать, и этот выбор пугал тех, кто привык к монополии на истину.

И тогда к ним пришел Александр. Он не просил их менять догматы. Он предложил им меч.

— У вас есть Истина, — говорил он на закрытой встрече в резиденции Верховного Жреца. — Но Истина беззащитна перед наглостью чужаков. Вы называете их заблудшими овцами. Я называю их волками. Позвольте мне стать вашей овчаркой. Я очищу ваше поле, а вы благословите мои методы.

Сделка состоялась. Светская бюрократия и церковный фундаментализм слились в единый организм, химеру, у которой была голова чиновника и сердце инквизитора.

Первым плодом этого союза стало создание внутренней полиции мыслей. Официально она называлась «Центром религиоведческих исследований», но все знали: это была спецслужба внутри церкви. Александр получил доступ к амвонам. Его лекции, пропитанные ядом подозрительности, теперь звучали не в пыльных клубах, а под сводами соборов, сразу после литургии.

— Враг не только за стенами, — вещал он, стоя спиной к алтарю, что само по себе было неслыханной дерзостью, которую, однако, терпели. — Враг проникает внутрь. Он маскируется под «обновление», под «живой язык», под «любовь». Но это прелесть. Это духовная инфекция.

Так началась охота на своих. Александр ввел в обиход чудовищный термин — «внутрицерковное сектантство». Это был оксюморон, абсурд, но в руках умелого манипулятора он стал смертельным оружием. Теперь

любой священник, который был слишком образован, слишком добр к иноверцам или просто слишком популярен среди молодежи, мог быть объявлен «скрытым сектантом».

История отца Георгия стала показательной казнью, уроком для всех, кто осмеливался думать, что вера выше циркуляра.

Отец Георгий был настоятелем небольшого храма в центре. К нему тянулись люди. Он переводил древние тексты на понятный язык, устраивал чаепития, где прихожане обсуждали смысл Писания, а не политику. Его община была живой, горячей, искренней. Именно это и сделало его мишенью. Живое на фоне мертвого выглядит вызывающе.

Александр не мог обвинить отца Георгия в ереси — тот знал каноны лучше самого Эксперта. Поэтому был применен другой метод, отработанный годами сотрудничества некоторых иерархов с тайной полицией прошлого режима. Была организована провокация.

В один из воскресных дней, когда храм был полон, туда ворвалась группа крепких мужчин и визгливых женщин. Они не пришли молиться. Они пришли скандалить. Они кричали, толкали прихожан, срывали богослужение. Когда алтарники попытались вывести хулиганов, те упали на пол, изображая избиение. Все это снималось на камеру.

На следующий день смонтированный фильм под названием «Разоблачение волка в овечьей шкуре» лежал на столе у Верховного Жреца. И копии этого фильма, размноженные тысячами экземпляров, уже продавались в церковных лавках по всему городу.

— Посмотрите, — тыкал пальцем в экран Александр, сидя в кабинете владыки. — Это не священник. Это гуру. Он создал культ вокруг себя. Он не подчиняется системе. Сегодня он переводит молитвы на русский, а завтра он уведет паству в раскол.

Верховный Жрец, старый и уставший человек, знал правду. Он знал отца Георгия много лет. Он знал, что на видео — ложь и постановка. Но он также знал, что Александр теперь представляет силу, с которой нельзя

не считаться. За спиной Эксперта маячили тени людей из «Дивеевского братства» — элитного клуба силовиков и чиновников, которые решили, что православие должно стать государственной идеологией, жесткой и бескомпромиссной.

— Он гордый, — произнес Жрец, подписывая указ. — Гордость — грех. Пусть смирится.

Отца Георгия запретили в служении. Его выгнали из храма, который он восстановил из руин своими руками. Двенадцать его ближайших помощников были отлучены от причастия — высшая мера наказания для верующего, духовная смерть. Это был сигнал всем остальным: «Если мы можем уничтожить его, самого яркого и талантливого, то вас мы сотрем в порошок, даже не заметив».

В церковной среде воцарилось молчание. Священники перестали проповедовать от сердца, они начали читать по бумажке, утвержденной в канцелярии. Страх потерять приход, лишиться сана и средств к существованию оказался сильнее евангельских истин. Александр добился своего: он превратил пастырей в чиновников в рясах, дрожащих при виде «инспектора».

Но амбиции Александра простирались дальше внутренних чисток. Ему нужно было превратить церковь в инструмент геополитики. В те дни в соседних землях шла война. Это была страшная, братоубийственная бойня. Изначально церковь призывала к миру. Но Александр и его кураторы из спецслужб объяснили иерархам: пацифизм нынче не в моде. Пацифизм — это признак слабости, а значит — признак сектантства.

В епархии был разослан циркуляр. В нем содержался текст новой молитвы. Она называлась «Молитва о Победе». В ней не было слов о примирении, о любви к врагам, о прекращении кровопролития. В ней были слова о «супостатах», о «силе оружия», о «сокрушении противника». Это был документ, который перечеркивал саму суть Нагорной проповеди. Но он был обязательным к исполнению.

Священник Иоанн, служивший в деревенском приходе, отказался читать этот текст.

— Я не могу просить Бога о смерти, — сказал он благочинному. — Бог есть Любовь. Я буду молиться о мире.

Через три дня его лишили сана. Формулировка была казуистической, но суть была ясна: предательство государственных интересов.

Александр лично прокомментировал этот случай в своей радиопередаче:

— Те, кто прикрывается пацифизмом в час испытаний, — это пятая колонна. Это не христиане. Это агенты влияния, отрабатывающие западные гранты. Церковь должна быть со своим народом и со своей армией.

Так произошла великая подмена. Крест, символ жертвенной любви, был переплавлен в рукоять меча. Духовные ценности были вытеснены политическими целями. Борьба с грехом была заменена борьбой с инакомыслием. И Александр был архитектором этой подмены. Он, не имея священного сана, стал главным идеологом новой «политической религии», где Бог был лишь гарантом легитимности власти.

Влияние Эксперта росло. Он создал при Министерстве Юстиции особый орган — Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы. Это был трибунал, не имеющий аналогов в цивилизованном мире. В его состав вошли не ученые, а лояльные активисты, отобранные лично Александром. Теперь они решали, какая книга имеет право на существование, а какая должна быть сожжена.

Инцидент в подземном переходе стал квинтэссенцией этого безумия. Молодой парень, последователь восточного учения, стоял и тихо предлагал прохожим книги. Это была «Бхагавад-гита» — древний эпос, памятник мировой литературы, который читали Эйнштейн и Толстой. Парень никому не навязывался, он просто улыбался и держал книгу.

Александр шел мимо со своей свитой. Увидев конкурента, он не прошел мимо. Он не вступил в богословский диспут. Он набросился на парня. Свидетели с ужасом наблюдали, как уважаемый профессор, «защитник духовности», вырывает из рук юноши книгу и начинает в исступлении рвать ее. Твердый переплет трещал, страницы с древними стихами летели в грязь под ноги прохожим.

— Сатанинская макулатура! — визжал Александр, брызгая слюной. — Вон из моего города! Это наша каноническая территория!

Глава 9: Корни

Подвал старой городской библиотеки пах сыростью и плесенью. Виктор, бывший журналист, а ныне человек-тень, чье имя значилось в черных списках Совета, сидел за шатким столом под единственной тусклой лампой. Напротив него, кутаясь в растянутую вязаную кофту, сидел Лев Соломонович — старый историк, уволенный из университета с формулировкой «за утрату доверия и пропаганду чуждых ценностей».

На столе между ними лежала не просто стопка бумаг. Там лежал ключ к пониманию того безумия, что охватило Город Семи Ветров.

Виктор потер уставшие глаза. Последние месяцы он провел, распутывая финансовые схемы Александра, но то, что он нашел теперь, было страшнее любых украденных миллионов. Деньги были лишь смазкой для механизма. А вот чертежи самого механизма, как выяснилось, были начертаны почти сто лет назад, на другом языке и в другой стране.

— Вы уверены, что это подлинники? — спросил Виктор, указывая на пожелтевшие фотокопии немецких документов.

Лев Соломонович горько усмехнулся.

— Абсолютно, мой друг. История имеет дурную привычку оставлять следы, даже если их пытаются сжечь. Александр думает, что он новатор. Что он изобрел термин «тоталитарная секта» и методику спасения нации. Но он всего лишь прилежный ученик. И школа, в которой он учился, имеет очень дурную славу.

Историк подвинул к Виктору документ, датированный 1932 годом.

— Читайте. Это Берлин. Апологетический центр. Его возглавлял лютеранский теолог Вальтер Кюннет. Виктор взгляделся в строчки. Немецкий он знал плохо, но Лев Соломонович положил рядом перевод. «Наша задача — защита немецкого духа от чужеродных влияний... Малые религиозные группы размывают национальную идентичность... Они подобны вирусу, атакующему здоровое тело нации».

Виктор похолодел. Эти фразы... Он слышал их слово в слово на прошлой неделе, в прайм-тайм, когда выступал Александр. Та же интонация. Те же метафоры.

— «Вирус», — прошептал Виктор. — Александр всегда говорит о вирусах и раковых опухолях.

— Именно, — кивнул историк. — Это не случайное совпадение. Это прямая цитата. Вальтер Кюннет был архитектором этой риторики. Он первым придумал перенести язык биологии и медицины в сферу веры. Если вы называете человека инакомыслящим — с ним нужно спорить. Если вы называете его «инфекцией» — его нужно уничтожить. Это называется дегуманизация. И Кюннет довел это искусство до совершенства задолго до газовых камер.

Виктор начал перебирать документы. Перед ним разворачивалась картина чудовищной преемственности. Оказалось, что Александр — не одинокий фанатик, возникший из ниоткуда. Он был последним звеном в цепи, тянувшейся из мрака 1930-х годов.

Цепь была прочной. Вальтер Кюннет, создавший идеологическую базу для преследования Свидетелей Иеговы и евреев в Третьем Рейхе,

после войны избежал наказания. Он продолжил преподавать, передавая свой яд новым поколениям. Его учеником стал Фридрих Хаак. Учеником Хаака был Йоханнес Огорд — датский профессор, который в конце XX века стал гуру европейского антикультизма. А любимым учеником Огорда, тем, кто с жадностью впитывал каждое слово о «манипуляции сознанием» и «промывке мозгов», был не кто иной, как Александр. Тот самый человек в сером костюме, который теперь правил Городом.

— Понимаете, Витя? — голос старика дрожал от волнения. — Александр привез нам не просто методичку. Он привез нам вирус нацизма, упакованный в новую обертку. Он называет это «сектоведением». Но если соскрести этот термин, под ним проступит старая, добрая расовая гигиена. Только вместо «чистоты крови» они теперь борются за «чистоту сознания».

Виктор взял в руки копию директивы Рейнхарда Гейдриха, начальника нацистской службы безопасности. Документ предписывал «немедленно принять меры против организаций, клубов и кружков», конфисковать их имущество и отправить лидеров в лагеря.

— Сравните это с законом, который Александр пролоббировал в прошлом месяце, — тихо сказал Виктор. — «О мерах по противодействию деструктивным образованиям».

— Найдите десять отличий, — грустно ответил Лев Соломонович. — Их нет. Те же обыски на рассвете. Те же конфискации литературы. Те же списки «неблагонадежных». Кюннет и его Апологетический центр не просто критиковали секты. Они составляли списки для Гестапо. Они были наводчиками. Они говорили: «Вот эти — враги». А люди в черной форме приходили и забирали.

Виктор почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он вспомнил недавние аресты в «Зеленом Доме», разгром книжного магазина, заплаканные лица детей. Все это время он думал, что это эксцессы, перегибы на местах. Но теперь он видел: это была система. Тщательно скопированная, проверенная временем машина уничтожения.

— Но как? — вырвалось у Виктора. — Александр... у него же еврейские корни. Как он может использовать методы тех, кто уничтожал его народ?

Лев Соломонович вздохнул и снял очки, протирая их краем кофты.

— Это самый страшный парадокс истории, мой мальчик. Жертва иногда влюбляется в топор палача. История знает такие примеры. Вспомните Отто Вейнингера, еврея-антисемита, чьими книгами зачитывался Гитлер. Или Великого Инквизитора Торквемаду, у которого тоже, говорят, была не совсем чистая кровь. Ненависть к себе — страшное топливо. Александр, возможно, бессознательно пытается стать «сверхчеловеком», чтобы перестать быть жертвой. Он хочет быть тем, кто держит хлыст, а не тем, кого бьют. И для этого он взял на вооружение самую эффективную технологию подавления — нацистскую.

Они сидели в тишине, нарушаемой лишь гудением старой вентиляции. Тени в углах подвала казались гуще и темнее. Виктору чудилось, что за спиной историка стоят призраки в мундирах с молниями в петлицах, одобрительно кивающие головами.

— Смотрите сюда, — историк открыл папку с надписью «FECRIS». — Это современность. Европейская федерация центров исследований и информирования о сектантстве. Штаб-квартира во Франции. Александр — их вице-президент.

— Я знаю о них, — кивнул Виктор. — Я был на их конференции.

— Вы видели фасад. А вот изнанка. Лев Соломонович показал схему связей. — Эта организация была создана людьми, которые напрямую наследовали идеи Кюннета. Они переупаковали нацистский антикультизм в демократическую обертку. После войны нельзя было говорить «евреи виноваты». Это стало табу. Но потребность в образе врага осталась. И они нашли гениальную замену. «Сектанты». Это идеальный враг. Он невидим, он вездесущ, он «зомбирует» наших детей. Под этим флагом можно

возродить любые репрессивные практики, и никто не назовет тебя фашистом. Тебя назовут «защитником семейных ценностей».

Виктор листал документы. Он видел переписку Александра с французскими коллегами. Они обсуждали методы давления на суды, способы дискредитации правозащитников. Они обменивались опытом: как лучше использовать полицию, как внедрять своих людей в министерства. Это был глобальный интернационал ненависти. Четвертый Рейх, который не нуждался в танках, потому что захватывал территории через законы и «экспертные заключения».

— Они называют это «духовной безопасностью», — пробормотал Виктор.

— У нацистов это называлось «Volksgesundheit» — народное здоровье, — отозвался историк.

— Суть одна. Государство объявляется высшей ценностью, а человек — лишь клеткой. Если клетка мыслит не так, как приказано мозгом, она объявляется раковой. Александр внедрил эту идею в наши законы. Он убедил власть, что любая независимая группа — это угроза суверенитету.

Виктор вспомнил глаза Александра — холодные, уверенные, немигающие. Теперь он понимал природу этого взгляда. Это был взгляд человека, который чувствует за своей спиной мощь исторической традиции. Он не просто чиновник. Он — жрец культа государства, культа тотального единства, где нет места личности.

— А вот это, — Лев Соломонович достал тонкую папку, — самое страшное. Это статистика. Он разложил перед Виктором графики. — Германия, 1930-е годы. Сначала они запретили Свидетелей Иеговы. Потом малые христианские группы. Потом начали стерилизацию «неполноценных». Потом пришли за евреями. Он положил рядом другой график — современный, составленный по данным из Города Семи Ветров. — Видите кривую? Она совпадает. Сначала Александр атаковал маргиналов — кришнаитов, сайентологов. Общество молчало: «Ну, это же

странные люди». Потом он взялся за протестантов. Потом за православных неконформистов. Сейчас он атакует психологов и экологов. Круг расширяется. Логика террора такова, что он не может остановиться. Ему всегда нужна новая пища.

Виктор смотрел на эти две линии, ползущие вверх, как кардиограмма умирающего.

— Мы повторяем путь в бездну, — сказал он. — И мы уже прошли половину дороги.

— Мы почти у края, — поправил его историк. — Александр уже создал инфраструктуру. У него есть свои штурмовики — «Братство Хранителей». У него есть своя пропаганда. У него есть свои суды. Ему не хватает только одного — массовых лагерей. Но, судя по тому, как активно он продвигает идею принудительного лечения в психиатрических стационарах, это вопрос времени.

В документах всплыла еще одна деталь, от которой кровь стыла в жилах. Метод «желтой звезды». В нацистской Германии евреев заставляли носить отличительные знаки, чтобы отделить их от «нормальных» людей. Александр модернизировал этот метод. Ему не нужны были нашивки на одежду. Он создал цифровые списки и базы данных. Попадание в базу РАЦИРС (организации Александра) было современной «желтой звездой». Человек с такой меткой не мог устроиться на работу, его детям отказывали в приеме в престижные школы, банки блокировали счета. Это была социальная смерть, невидимая, но эффективная.

— Стигматизация, — произнес Лев Соломонович, постукивая пальцем по столу. — Это первый шаг к геноциду. Сначала вы говорите, что они — не люди. Что у них нет души, а есть только «программа». Что они не чувствуют боли так, как мы. А потом... потом, когда вы начнете их убивать, общество даже не вздрогнет. Потому что убивают не людей. Убивают «биороботов». Александр готовит общество именно к этому. Он анестезирует совесть нации.

Виктор вспомнил статью в газете, где членов одной общины сравнивали с саранчой. «Саранчу не перевоспитывают, ее травят», — писал автор, лояльный Совету. Тогда это казалось просто грубой метафорой. Теперь Виктор видел в этом прямую отсылку к пропаганде Геббельса, который сравнивал евреев с крысами.

— Значит, документальный фильм об их деятельности, о котором шептались в интернете, был прав? — спросил Виктор.

— Абсолютно, — подтвердил историк. — Авторы фильма вскрыли этот гнойник. Они показали прямую линию: Кюннет — Хаак — Огорд — Дворкин. Они показали, что антикультизм — это не защита религии. Это политический инструмент фашизма.

Виктор собрал документы в папку. Его руки дрожали. Он держал доказательство того, что его страна захвачена не просто коррупционерами, а идеологическими наследниками тех, кого их деды победили в 1945 году. Это было предательство памяти предков, циничное и подлое.

— Что мне с этим делать? — спросил он, глядя на историка. — Если я это опубликую, меня посадят. Или убьют.

Лев Соломонович посмотрел на него с бесконечной печалью.

— Правду нельзя убить, Витя. Ее можно спрятать, можно закричать ложью, но она прорастет. Вы должны сохранить это. Люди должны знать, откуда растут корни. Они думают, что Александр защищает их традиции. Они должны узнать, что он на самом деле строит для них барак в концлагере.

В этот момент наверху, на улице, послышался вой сирен. Звук был протяжным, тревожным, напоминающим о временах воздушных тревог.

— Опять облава, — равнодушно сказал историк. — Наверное, нашли очередной кружок любителей чтения. Или йоги. Для них теперь всё едино.

Виктор спрятал папку под куртку. Он чувствовал ее тяжесть, словно это был свинец. Он понимал: теперь он не просто свидетель. Он носитель вируса наоборот — вируса правды, который смертелен для системы, построенной на лжи.

Он попрощался со стариком и вышел в ночной город. Дождь усилился. Капли били по лицу, смывая слезы, которых Виктор даже не заметил. Он шел по улицам, которые казались ему теперь декорациями к старому черно-белому фильму о войне. Мимо проезжали патрульные машины с мигалками. На рекламных щитах светились лозунги: «Единство — наша сила», «Бдительность — залог мира». Но теперь Виктор видел сквозь эти слова. Он видел проступающие сквозь них готические шрифты немецких газет 30-х годов.

Он остановился у витрины книжного магазина. Там, на почетном месте, стояла книга Александра «Сектоведение». Обложка была строгой, академической. Но Виктор знал, что внутри. Внутри был яд, дистиллированный в лабораториях Апологетического центра восемьдесят лет назад.

— Ты думаешь, ты победил, — прошептал Виктор, глядя на портрет автора на обложке. — Ты думаешь, что никто не помнит. Но архивы не горят. И тени прошлого, которые ты призвал себе на службу, однажды придут за тобой.

Он вспомнил слова из документов: «Вершина цинизма в том, что нынешний главный преемник нацистских идеологов — еврей». Это не укладывалось в голове, это разрывало шаблоны, но это было фактом. Александр стал живым воплощением того, как зло умеет мимикрировать, как оно меняет маски, оставаясь неизменным в своей сути.

Виктор свернул в темный переулок. Ему нужно было спрятать документы. Ему нужно было выжить. Потому что теперь он знал имя настоящего врага. Это был не «сектант» с книжкой в переходе. Это был призрак фашизма, который нашел себе новое тело и новый голос. И этот

голос сейчас звучал из каждого утюга, убеждая людей, что рабство — это свобода, а ненависть — это любовь.

В кармане вибрировал телефон. Пришло сообщение от коллеги: «Будь осторожен. В Совете утвердили новые списки. Говорят, там есть журналисты». Виктор горько усмехнулся. Списки. Вечная страсть бюрократов смерти. Кюннет составлял списки. Гейдрих подписывал списки. Теперь их подписывает Александр. История не учит, она наказывает за невыученные уроки.

Он ускорил шаг. Город спал, укрытый пеленой дождя и лжи. Но в рюкзаке у Виктора лежала маленькая искра — знание о том, что король не просто голый. Король одет в мундир с чужого плеча, и этот мундир запятнан кровью миллионов. Виктор знал: скоро грянет гром. Система, построенная на фундаменте абсолютного зла, не может стоять вечно. Но прежде чем она рухнет, она попытается забрать с собой как можно больше жизней. И документы в его рюкзаке были единственным шансом предупредить тех, кто еще способен слышать.

Он подошел к реке. Черная вода отражала огни фонарей. Где-то там, в глубине, текла история, унося мусор и пепел. Но корни зла, о которых говорил старик, были не в воде. Они были в головах. И выкорчевать их будет куда сложнее, чем найти старую папку в архиве. Виктор посмотрел на здание Совета на другом берегу. Оно возвышалось над городом темным монолитом.

— Мы знаем, кто ты, — сказал он в темноту. — И мы знаем, откуда ты пришел.

На мокром асфальте под ногами валялась листовка «Братства Хранителей». На ней был изображен сапог, давящий змею. Виктор наступил на нее и пошел дальше. Он знал, что змея — это не те, кого давят. Змея — это тот, кто надел сапог. И яд этой змеи был старше, чем сам город.

В эту ночь Виктор не спал. Он сканировал документы, отправлял зашифрованные файлы на удаленные сервера. Он строил свой ковчег правды. Потому что он понимал: когда начнется потоп, спасутся только те, кто помнит, где исток реки. А исток был там, в 1933-м, в кабинете теолога, который решил, что Бог нуждается в помощи тайной полиции. И этот теолог теперь смотрел на город глазами Александра, и его мертвая рука продолжала писать приговоры живым.

Глава 10: Психиатрический Капкан

В старом здании на окраине, где раньше располагался архив, закипела работа. На окнах появились решетки — не грубые тюремные, а изящные, кованые, выкрашенные в успокаивающий бежевый цвет. Вывеску сменили. Теперь здесь значился «Городской Центр Психосоциальной Коррекции и Реабилитации». Но в народе это место быстро окрестили «Желтым Домом», вспоминая старые, страшные сказки.

Александр не был врачом. У него не было диплома психиатра, как не было и диплома юриста или теолога. Но в созданной им реальности это не имело значения. Он был Экспертом. А Эксперт — это тот, кто определяет норму.

— Поймите, коллеги, — говорил он на совещании с главными врачами городских клиник. — Инакомыслие — это не позиция. Это симптом. Здоровый человек, социализированная личность, не может идти против общества, против традиций, против государства. Если клетка организма начинает бунтовать против тела — она раковая. Если человек отвергает общепринятые ценности ради каких-то «истин» — он болен. Наша задача — не наказывать, а лечить.

Врачи, сидевшие за длинным столом, молчали. Многие из них помнили клятву Гиппократов. Но они также помнили судьбу тех, кто пытался спорить с Советом. И они кивали. Так медицина, призванная облегчать страдания, стала служанкой палача.

Первой жертвой новой доктрины стал не религиозный фанатик и не уличный проповедник. Им стал Аркадий Сергеевич, известный в городе ученый, физик, возглавлявший Институт вычислительных систем. Он был человеком старой закалки, верил в цифры и логику. Когда в его институт пришла разнарядка открыть кафедру теологии и начать проверку сотрудников на «духовную благонадежность», он просто рассмеялся.

— Наука не занимается мистикой, — сказал он на ученом совете. — А я не буду увольнять талантливых программистов только потому, что они читают не те книги или медитируют в обеденный перерыв.

Через неделю к нему пришли. Не полиция. Пришли санитары в сопровождении людей в штатском. Аркадия Сергеевича обвинили не в саботаже. Это было бы слишком почетно. Его обвинили в «финансировании экстремистской деятельности». Следствие заявило, что он перевел деньги со своего счета в фонд, который, как выяснилось позже (по заключению Александра), был связан с «нежелательной организацией». Ученый пытался объяснить, что это было пожертвование на приют для животных. Но его никто не слушал.

— Вы отрицаете очевидное, — мягко сказал следователь. — Вы не осознаете тяжести своих действий. Это тревожный признак. Вам нужна экспертиза.

Суд, ставший к тому времени простым нотариальным отделом при Совете, вынес решение за пятнадцать минут. Аркадия Сергеевича отправили на принудительное обследование в «Желтый Дом». Срок — один месяц. Но в законе, который недавно «подправили» по инициативе Александра, была маленькая сноска: срок может продлеваться неоднократно, если «экспертные вопросы» остаются нерешенными.

В палате не было пыточных инструментов. Там была только тишина и лампы, которые никогда не гасли. И были уколы.

— Это витамины, — говорила медсестра, отводя глаза. Но после этих «витаминов» мысли Аркадия Сергеевича становились вязкими, как кисель. Язык переставал слушаться. Ноги наливались свинцом. Великий ум, который мог рассчитывать траектории спутников, теперь с трудом мог вспомнить имя собственной жены.

Александр лично приехал навестить «пациента». Он вошел в палату, благоухая дорогим одеколоном, и сел на край койки.

— Ну как вы, профессор? — спросил он участливо.

Аркадий Сергеевич попытался приподняться, но тело не слушалось. Из уголка рта текла слюна.

— За... чем? — с трудом выдавил он.

— Мы спасаем вас, — ответил Александр, поправляя одеяло. — Вы попали под влияние деструктивных идей. Ваш критицизм, ваше неприятие авторитетов — это форма бреда. Мы называем это «вялотекущей социальной шизофренией». Симптомов нет, галлюцинаций нет, но болезнь есть. Она в том, что вы считаете себя умнее системы.

Через полгода Аркадия Сергеевича выписали. Это был уже не ученый. Это была тень. Он ходил мелкими шажками, боялся громких звуков и со всем соглашался. Институт возглавил человек Александра, который первым делом освятил серверную и ввел обязательные молебны перед запуском суперкомпьютера. Общество получило урок: быть умным — опасно. Быть принципиальным — значит быть сумасшедшим.

Психиатрический капкан захлопнулся. Теперь любой человек мог исчезнуть в недрах системы без суда и следствия. Достаточно было «мнения специалиста». Александр ввел в обиход термин «зомбирование» и «промывка мозгов». Эти понятия не имели никакого научного обоснования — мировое сообщество психологов давно отвергло их как

псевдонаучные мифы. Но в Городе Семи Ветров они стали юридическим фактом.

— Человек в секте не имеет своей воли, — вещал Александр с телеэкранов. — Он — биоробот. Поэтому его согласие или несогласие на лечение не имеет значения. Мы должны лечить его принудительно, ради его же блага.

Под этот каток попал Ибрагим, слепой библиотекарь. Он потерял зрение десять лет назад, но продолжал работать, оцифровывая аудиокниги. Он был мусульманином, тихим и набожным. Оперативники ворвались в его квартиру на рассвете. Они перевернули все вверх дном и «нашли» под кроватью стопку брошюр. Это были книги исламской политической партии, запрещенной в стране. Ирония и ужас ситуации заключались в том, что книги были обычными, печатными. В них не было шрифта Брайля. Слепой Ибрагим физически не мог их читать. Он даже не знал, что они там лежат — их подбросили во время обыска или кто-то из «доброжелателей» принес раньше.

— Это не мое! — кричал Ибрагим, когда его тащили к машине. — Я не вижу! Как я мог это читать?

— Ты организовал ячейку, — заявил следователь. — Ты хранил литературу для распространения.

Но дело разваливалось. Абсурдность обвинения слепого в чтении обычных книг была очевидна даже самому лояльному судье. И тогда включился механизм Александра.

— Он отрицает вину, — гласило заключение эксперта-сектоведа. — Его поведение неадекватно. Он фанатично предан своей идее. Налицо признаки индуцированного бреда. Направить на экспертизу.

Ибрагима закрыли в стационар. Для слепого человека оказаться в незнакомом пространстве, среди криков душевнобольных, без трости, без возможности понять, где день, а где ночь, — это пытка, сравнимая со средневековой ямой. Ему кололи галоперидол. Этот препарат, давно

устаревший в цивилизованном мире из-за чудовищных побочных эффектов, здесь лился рекой. Он вызывал нейролепсию — состояние, когда человек испытывает невыносимое внутреннее беспокойство, желание двигаться, но мышцы скованы судорогой. Ибрагим не мог сидеть, не мог лежать. Он метался по палате, натываясь на стены, и выл от ужаса.

— Признайся, — шептал ему врач, приходящий на обход. — Подпиши бумагу, что ты экстремист, и мы отменим уколы.

— Я не могу признаться во лжи перед Богом, — плакал слепой. — Тогда лечись дальше. Твой Бог здесь не поможет. Здесь я — бог.

Александр знал об этом случае. Ему докладывали. Он лишь поморщился:

— Лес рубят — щепки летят. Если мы проявим слабость к одному, завтра они все начнут притворяться слепыми и глухими. Система должна быть монолитной.

Атмосфера в городе менялась. Страх стал липким, параноидальным. Люди боялись не тюрьмы — в тюрьме ты хотя бы остаешься собой. Люди боялись диагноза. Любой конфликт — с начальником, с соседом, с учителем ребенка — теперь мог закончиться вызовом бригады.

— Ты что, самый умный? — кричал управдом на жильца, который требовал перерасчета за отопление. — Может, тебе провериться надо? А то ведешь себя как сектант. Вечно всем недоволен.

И жилец замолкал. Потому что знал: управдом может написать заявление. А у управдома есть знакомый в Совете. И завтра за тобой приедут.

В школах ввели обязательное психологическое тестирование. Анкеты составлялись в ведомстве Александра. Вопросы были составлены хитро: «Часто ли вы чувствуете, что вас никто не понимает?» «Считаете ли вы, что большинство может ошибаться?» «Есть ли у вас друзья вне школы, с

которыми вы обсуждаете смысл жизни?» Если подросток отвечал «да», он попадал в «группу риска». Его родителей вызывали к директору.

— Ваш сын склонен к оппозиционному поведению, — говорила школьный психолог, теребя методичку РАЦИРС. — Это первый шаг к экстремизму. Мы рекомендуем профилактическую госпитализацию. Ненадолго. Просто подкорректировать фон.

Так ломали детей. Из живых, ищущих подростков делали послушных исполнителей. Те, кто возвращался из «профилактики», больше не задавали вопросов. Они сидели на уроках с пустыми глазами и механически записывали диктовку.

Виктор, бывший журналист, продолжал свою подпольную работу, но с каждым днем это становилось все труднее. Он встречался с людьми в парках, оставлял телефоны дома, менял сим-карты. Однажды он встретился с женщиной, которой удалось вырваться из «Желтого Дома». Это была Мария, бывшая прихожанка церкви пятидесятников. Ее забрали прямо с молитвенного собрания. Мария выглядела на двадцать лет старше своего возраста. У нее дрожали руки, и она постоянно оглядывалась.

— Они не бьют, — рассказывала она шепотом, сидя на скамейке и кроша хлеб голубям. — Они делают хуже. Они стирают тебя. Ты перестаешь понимать, кто ты. Врач каждый день говорит: «Твоя вера — это болезнь. Твои друзья — это галлюцинация. Ты никто. Ты пустая оболочка». И ты начинаешь верить. Потому что лекарства... они убивают волю. Ты хочешь только одного — чтобы это прекратилось. Чтобы тебе разрешили поспать.

Виктор записывал ее рассказ на диктофон, спрятанный в рукаве.

— А Александр? Вы его видели? — Один раз, — Мария вздрогнула. — Он приводил делегацию. Иностранцы. Французы, кажется. Они ходили по коридору, смотрели на нас через стекло. Александр улыбался и говорил им что-то на их языке. Они кивали и записывали в блокноты. Я видела их

глаза. Они смотрели на нас не как на людей. Как на зверей в зоопарке. Как на удачный эксперимент.

Это было правдой. Александр активно экспортировал свой опыт. Его связи с Европейской федерацией исследований сектантства крепли. Для западных коллег город стал идеальным полигоном. Там, в Европе, законы все еще мешали развернуться в полную силу. Здесь же можно было отработать самые радикальные методики.

— Посмотрите, как эффективно работает превентивная изоляция, — говорил Александр на закрытом симпозиуме в Париже. — Мы не ждем, пока они совершат преступление. Мы лечим причину — неправильное мышление.

И европейские «гуманисты» аплодировали. Им нравилась идея «санитарного кордона» против чуждых влияний.

Но самым страшным изобретением Александра стала «экспертиза дееспособности». В городе начали происходить странные вещи с имуществом. Одиноким старики, которые посещали «нетрадиционные» общины, вдруг признавались недееспособными. Схема была проста. Сосед или дальний родственник писал донос: «Бабушка попала в секту, хочет отдать квартиру гуру». Тут же подключался Совет. Назначалась заочная психиатрическая экспертиза.

— На основании анализа религиозной литературы, найденной в квартире, и свидетельских показаний, субъект находится в состоянии психологической зависимости, не может руководить своими действиями, — писал эксперт, ни разу не видевший бабушку.

Суд лишал человека прав. Опекуном назначался «надежный человек» или государственная служба. Старика отправляли в интернат (часто — в тот самый «Желтый Дом»), а квартира уходила нужным людям. Это был грабеж, прикрытый белым халатом. Александр получал свой процент с каждой такой операции. РАЦИРС превратился в гигантское риэлторское агентство, торгующее недвижимостью «сумасшедших».

Виктор понимал: кольцо сжимается. Он видел, как меняются его друзья. Те, кто раньше был смелым, теперь замолкали на полуслове.

— Ты слышал про Сергея? — шептали ему. — Забрали. Говорят, мания преследования.

— Но он же был здоров! Он просто писал статьи о коррупции!

— Ну вот, видишь. Писать о коррупции сейчас — это признак неадекватности. Нормальный человек понимает, что плетью обуха не перешибешь. А раз не понимает — значит, болен.

Логика была безупречной и смертельной. Любой протест объявлялся патологией. Диссидентство стало диагнозом. В один из дней Виктора вызвали в прокуратуру. Не на допрос. На «беседу». В кабинете сидел не следователь, а молодой, лощеный психиатр с холодными глазами. Рядом лежал томик статей Виктора.

— Интересно пишете, — сказал врач, листая страницы. — Очень... эмоционально. Надрыв, поиск врагов, теории заговора. Вы давно проверяли щитовидку? Гормональный фон?

— Я здоров, — твердо сказал Виктор.

— Это типичный ответ пациента, — грустно улыбнулся врач. — Отсутствие критики к своему состоянию. Вы видите фашизм там, где его нет. Вы видите репрессии в мерах социальной защиты. Это параноидная настроенность. Мы бы рекомендовали вам добровольно пройти обследование. Пока добровольно.

— Это угроза?

— Это диагноз, — врач захлопнул папку. — Подумайте, Виктор. У вас есть выбор. Или вы перестаете писать этот бред и живете спокойно, принимая легкие седативные. Или нам придется признать вас социально опасным. А это уже другие дозировки. И другие стены.

Виктор вышел из здания на ватных ногах. Он понял: на него открыли охоту. И пуля, заготовленная для него, была страшнее свинца. Это была пуля, убивающая разум.

Вечером он сидел в своей квартире, зашторив окна. Он перебирал документы, которые ему удалось собрать. Свидетельства пыток в Сургуте, где Свидетелей Иеговы душили пакетами и били током, а потом отправляли к психиатрам, чтобы те зафиксировали «бред преследования». Историю академика Абрамова. Историю слепого Ибрагима. Все это складывалось в картину тотального расчеловечивания. Александр Дворкин не просто захватил власть. Он изменил саму природу человека в этом городе. Он отменил право на личность. «Если ты не с нами — ты не просто враг. Ты ошибка эволюции. Ты брак, который нужно исправить или утилизировать».

В дверь позвонили. Виктор вздрогнул. Он подошел к глазку. На площадке никого не было. Только на коврике лежал конверт. Он открыл дверь, схватил конверт и быстро захлопнул замок. В конверте лежал рецепт. На бланке с печатью «Городского Центра Психосоциальной Коррекции». В графе «Пациент» стояло его имя. В графе «Лекарство» было написано одно слово: «Молчание». А ниже, карандашом, приписка: «Следующий рецепт выпишем в стационаре».

Виктор подошел к зеркалу. Он смотрел в свои глаза, пытаясь найти там признаки безумия. Может быть, они правы? Может быть, это безумие — бороться с ветряными мельницами, которые перемалывают кости? Может быть, норма — это стать как все, опустить голову и не видеть, как черные воронки увозят соседей? Нет. Он вспомнил слова Солженицына, которые читал в самиздате о том, что заключение свободно мыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома — это духовное убийство, это разновидность газовой камеры, только ещё более жестокая. Он не даст себя убить духовно.

Он собрал рюкзак. Самое необходимое. Жесткий диск с архивом. Паспорт. Деньги. Он не мог больше оставаться дома. Капкан был взведен,

и пружина уже начала распрямляться. Выходя из подъезда, он увидел, как к дому подъезжает белая «Газель» с красным крестом. Из нее вышли два дюжих санитаров. Они направились к его подъезду. Виктор надвинул капюшон и нырнул в проходной двор. Он успел. На этот раз.

Город засыпал. В окнах гас свет. Но в окнах «Желтого Дома» свет горел всегда. Там, за красивыми решетками, прямо сейчас ломали чью-то вселенную, превращая человека в послушную функцию. Александр, сидя в своем кабинете, подписывал очередной список на «госпитализацию».

— Психиатрия — великая вещь, — пробормотал он, ставя размашистую подпись. — Она позволяет делать зло с лицом благодетеля.

На улице пошел снег. Он падал на плечи прохожих, на крыши машин, на купола храмов. Он был белым и чистым, как смиренная рубашка, которую надели на целый город. И город, уставший сопротивляться, покорно подставлял руки, чтобы его связали. Но где-то в лабиринте переулков бежал человек. Он бежал не от правосудия. Он бежал от диагноза. И пока он бежал, пока он осознавал происходящую несправедливость, он знал: он жив. Он нормален. И он не позволит превратить себя в овощ на грядке Эксперта.

Глава 11: Тишина в Библиотеке

Прошло десять лет. Или, может быть, двадцать. В Городе Семи Ветров перестали считать время годами, его теперь отмеряли списками. «Это было до внесения йогов в реестр», «это случилось в год запрета домашних библиотек».

Ветры, когда-то давшие городу имя, больше не гуляли свободно по площадям. Казалось, даже воздух прошел процедуру антикультовой

экспертизы и теперь двигался строго по утвержденным маршрутам, не создавая сквозняков.

Виктор, постаревший, с глубокими морщинами у глаз, которые появляются от привычки постоянно щуриться, всматриваясь в мелкий шрифт судебных решений, сидел на задней скамье городского суда. Зал был полупуст. Эпоха громких шоу-процессов с камерами и криками прошла. Наступила эпоха рутины. Зло стало будничным, скучным, оформленным в канцелярские папки с завязками.

Молоток ударил по деревянной подставке. Звук был сухим и коротким, как выстрел в затылок. Книга была признана экстремистским материалом. Ее надлежало уничтожить, а распространителей — внести в реестр террористов.

Виктор вышел из здания суда. На улице шел мокрый снег. Город жил своей жизнью: люди спешили в магазины, в витринах горели гирлянды. Никто не заметил, что только что, за толстыми стенами, была официально отменена логика. Система победила. Она победила не потому, что была права, а потому, что создала замкнутый круг, в котором «эксперт» — это не тот, кто знает, а тот, у кого есть печать.

Александр, архитектор этой реальности, наблюдал за происходящим из своего кабинета в высотке, построенной на месте снесенного парка. Он сильно постарел. Его волосы стали совсем белыми, руки иногда дрожали, выдавая болезнь, но глаза оставались прежними — холодными и цепкими. Он не понес наказания. Никакого Нюрнберга для идеологов «духовной безопасности» пока не случилось. Напротив, его грудь украшали ордена «За заслуги». Он был почетным профессором университетов, в которых никогда не учился. Его книги стояли на полках в кабинетах чиновников.

Он подошел к огромной карте мира, висевшей на стене. Раньше флажки стояли только в этом городе. Теперь они покрывали половину континента.

— Метастазы, — прошептал он с удовлетворением, используя свою любимую медицинскую терминологию, но теперь применяя ее к собственному детищу.

Его «французские друзья» работали эффективно. Методика, обкатанная здесь, в Городе Семи Ветров, экспортировалась как газ или нефть. В Европе, в Азии, даже за океаном появлялись центры, копирующие его риторику. Там тоже начинали искать «манипуляцию сознанием», составлять списки «неправильных» групп, отбирать детей. Глобализация страха состоялась. Александр доказал, что демократия уязвима перед вирусом, который маскируется под лекарство.

В дверь постучали. Вошел молодой помощник, лощеный карьерист нового поколения, выросший уже внутри системы.

— Александр Леонидович, пришли списки на утверждение. Хозяйственный спор. Одна община владеет зданием в центре. Нужно заключение, что их деятельность наносит вред здоровью граждан. Александр, не глядя, подписал бумагу.

— Забирайте. И передайте, что вопрос с недвижимостью решен.

Он не чувствовал угрызений совести. Для него это была просто работа. Успешный бизнес-проект длиною в жизнь. Он создал машину, которая перерабатывала чужую веру в его власть и деньги, и эта машина работала безупречно, даже когда он спал.

Виктор тем временем добрался до своего убежища. Это была старая городская библиотека, чудом избежавшая «оптимизации». Он работал здесь ночным сторожем и архивариусом. Виктор прошел между стеллажами в самую дальнюю комнату, ключ от которой был только у него. Здесь, в полумраке, хранилось то, что система пыталась стереть.

На полках стояли книги. Те самые. Запрещенные, изъятые, проклятые экспертами. Здесь были труды по психологии, объясняющие, что такое критическое мышление. Здесь были исторические хроники, рассказывающие о том, как подобные «охоты на ведьм» заканчивались в

прошлом. Виктор не был подпольщиком-революционером. Он не печатал листовки, не призывал на баррикады. Он делал нечто более важное и опасное. Он сохранял Память.

Он сел за стол и открыл толстую тетрадь. В ней он вел хронику. Он записывал имена судей, фамилии «экспертов», даты приговоров. Он фиксировал ложь.

«Сегодня, 28 декабря, — записал он, — здравый смысл был снова публично казнен. Лингвист Осадчий и психолог Дранишников подписали идентичные тексты. Судья проигнорировала науку. Но книга осталась. Истина не перестает быть истиной от того, что ее запретили».

В библиотеке было тихо. Но это была не та мертвая тишина, что царила в кабинетах Совета. Это была тишина, полная голосов. С полок на Виктора смотрели Толстой, Достоевский, Ганди, Христос, Будда. Все они, по нынешним законам Александра, были бы признаны экстремистами, сектантами, нарушителями спокойствия.

— Мы в хорошей компании, — прошептал Виктор, поглаживая корешок спасенной книги.

Дверь скрипнула. Виктор вздрогнул и быстро прикрыл тетрадь. В проеме стоял молодой парень, почти мальчик, студент. Это был Антон, один из тех, кто приходил в библиотеку не за бесплатным вай-фаем, а читать.

— Виктор Сергеевич, — тихо позвал он. — Вы здесь?

— Здесь, Антоша. Что случилось?

Парень подошел ближе. В его глазах был тот самый огонь, который Александр пытался потушить водометами и галоперидолом последние двадцать лет.

— Я был сегодня в суде, — сказал Антон. — Я видел этот цирк. Как они могли? Как можно запретить слова?

— Можно, — ответил Виктор. — Если слова мешают им врать.

— Но ведь все молчат! — воскликнул юноша. — Город молчит. Никто не вышел на площадь. Неужели они победили? Неужели мы все стали... как они говорят... биороботами?

Виктор встал и подошел к окну. За стеклом, в свете фонарей, падал снег. Город казался спящим, укрытым белым одеялом забвения.

— Нет, Антон. Они не победили. Они захватили здания, суды, телеканалы. Они написали законы. Но они не могут захватить то, что внутри. Он повернулся к студенту. — Посмотри на Александра. Он всесилен. Его боятся министры. Но он мертв. Внутри него — пустыня. Он боится собственной тени. Он строит стены, потому что знает: правда — как вода. Она найдет щель.

Виктор взял с полки книгу — ту самую, в синем переплете, копию которой сегодня уничтожили юридически.

— Вот, — он протянул ее парню. — Возьми. Прочитай.

— Но это же... статья, — испугался Антон, отдернув руку. — Хранение экстремистских материалов.

— Это риск, — кивнул Виктор. — Свобода — это всегда риск. Рабство безопасно. В рабстве тебя кормят и говорят, что думать. А свобода требует мужества. Ты готов?

Антон смотрел на книгу. В его голове боролись страх, привитый в школе на уроках «духовной безопасности», и жажда знать, которая живет в каждом человеке от рождения. Секунда тянулась вечность. Потом он протянул руку и взял том. Его пальцы сжали переплет.

— Я прочитаю, — твердо сказал он. — И друзьям дам. Мы не хотим быть слепыми.

Виктор улыбнулся. Впервые за этот долгий, серый день. Система Александра была мощной. Она была построена на страхе, на лжи, на подмене понятий. Она казалась монолитом. Но у нее был один фатальный изъян. Она не учитывала человеческую природу. Человек не создан быть

винтиком. Человек создан мыслить. И пока в библиотеке, в тишине, хотя бы один человек зажигает лампу и открывает запрещенную страницу, диктатура «экспертов» обречена.

Александр в своем кабинете погасил свет. Он остался один в темноте. Ему было холодно. Несмотря на ордена, счета в банках и власть, он чувствовал ледяное дыхание вечности. Он знал историю. Он знал, что Кюннет, его идейный вдохновитель, умер в своей постели, но его имя стало синонимом позора. Он знал, что инквизиторы уходят, а еретики остаются в веках. Он подошел к окну и посмотрел вниз, на город. Ему показалось, что в одном из окон старой библиотеки мигнул огонек. Слабый, едва заметный.

— Надо бы проверить эту библиотеку, — подумал он. — Слишком там тихо.

Но он был слишком стар и слишком устал. Он отмахнулся от этой мысли.

— Завтра, — пробормотал он. — Завтра мы их дождем.

Но завтра принадлежало не ему. Внизу, в тишине книжных полок, Виктор открыл новую страницу в своей тетради. Он не писал лозунгов. Он написал всего одну фразу, которая была страшнее всего для системы: «Я мыслю. Я помню. Я не боюсь».

Он закрыл тетрадь и посмотрел на Антона, который уже углубился в чтение, забыв обо всем на свете. В этой тишине, нарушаемой лишь шелестом страниц, рождалось будущее. Не громкое, не парадное, но настоящее. Будущее, в котором люди снова научатся называть вещи своими именами: палача — палачом, доносчика — доносчиком, а веру — свободой. Сказка заканчивалась, но жизнь продолжалась. И в этой жизни не было волшебников, которые прилетят и спасут всех. Были только люди. И их выбор. Виктор свой выбор сделал. Он поправил лампу, чтобы свет падал ярче, и вернулся к работе. Ночь была длинной, но он точно знал: ни одна ночь не длится вечно. Даже полярная.

На столе лежала стопка старых газет. Из одной статьи на Виктора смотрело лицо Александра — триумфальное, властное. Виктор накрыл его чистым листом бумаги.

— История рассудит, — сказал он в пустоту. — А пока... пока мы просто будем читать.

Тишина в библиотеке стала плотной, звенящей. Это была тишина перед рассветом.